

НАШИ • ТАМ

ЕВГЕНИЙ КОНСТАНТИНОВ

ПОДАРОК ИНКАССАТОРУ

Наши там (Центрполиграф)

ЕВГЕНИЙ КОНСТАНТИНОВ
Подарок инкассатору

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Константинов Е. М.

Подарок инкассатору / Е. М. Константинов — «Центрполиграф»,
2019 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08568-9

Виктор Кармазов, мечтающий стать художником, устроился работать инкассатором. Один из клиентов дарит ему блокнот и просит отобразить в нем сцены из написанного им детектива. Виктор читает рукопись, делает в блокноте зарисовки карандашом и вскоре замечает, что персонажи на страницах «оживают», и сюжет меняется. Вскоре выясняет, что блокнот обладает и другими чудесными свойствами: с его помощью Виктор может «дублировать» в любом месте нарисованных им людей, получает способность переноситься в свою юность. Между тем на инкассаторскую машину совершено нападение, похищена крупная сумма денег...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08568-9

© Константинов Е. М., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Евгений Константинов

Подарок инкассатору

Серия «Наши там» выпускается с 2010 года

© Константинов Е. М., 2019

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2019

© «Центрполиграф», 2019

* * *

Часть первая

Чудесный блокнот

По субботам Виктора Кармазова назначали старшим маршрута. Сборщиком бегал Михалыч, которому предстояло проинкассировать с полсотни точек и к тому же получить очень неплохое дополнение к своей зарплате в виде чаевых. Михалыч проработал в инкассации семнадцать лет и последние десять кормился только на этом блатном маршруте, обслуживающем большинство магазинов Тушина. Виктор же устроился в банк сравнительно недавно, поэтому бегал сборщиком в самые «малохлебные» дни.

Впрочем, в пятницу тоже отстегивали неплохо: в столовых кассирши, сдававшие в опломбированных сумках дневную выручку, совали инкассатору в лапу копеек по тридцать – сорок, в билетных кассах и станциях техобслуживания перепадало – по полтинничку, а в продуктовых магазинах – по рублю, на который можно было купить, к примеру, две бутылки пива.

Виктору запомнился первый инструктаж Михалыча. «Если в накладной расписался, – наставлял тот, – сумку взял, а рубля не видать ни зги, с серьезным видом воздень указательный палец и пафосно объяви – сегодня пятница! И сделать это – необходимо! В противном случае в следующую пятницу вновь рубль зажмут, а это непорядок, конфликт со всеми вытекающими». Михалыч именно так и говорил – «конфликт».

...Накануне Виктор, инкассируя очередной магазин, избежал такого конфликта, напомнив про пятницу старшему кассиру продуктового магазина Александру Ивановичу. Тот спохватился, извинился, выхватил из кармана рубль, вручил, улыбаясь. После чего доверительно положил руку инкассатору на плечо:

– Слушай, Витек, ты как-то говорил, что рисуешь неплохо?

– Ну, как неплохо... – пожал плечами инкассатор.

С Александром Ивановичем Виктор жил в одном доме, в соседних подъездах. Но познакомились они только в этом магазине, когда кассир сдавал, а Виктор принимал у него деньги. Оказалось, что оба любят рыбалку, и потом даже как-то вместе скоротали вечерок с удочками на берегу протекающей по Тушину речки Сходни. Рыбу, правда, не поймали, зато посидели душевно, выпили, поболтали, узнали, что, кроме всего прочего, один пишет книги, другой – картины...

– Слушай, я тут очередную нетленку наваял, называется «Криминальная рыбалка»... – проникновенно сказал Александр Иванович.

– Почему криминальная?

– Так детектив же! Хотя над названием можно подумать, – отмахнулся писатель. – Я про то, что не мог бы ты к роману иллюстрации сделать, все-таки сам рыбак, разберешься, что к чему. А я проставлюсь, естественно...

– О чем роман-то?

– Ну... там мочат всех и каждого, баб насилуют, мужикам головы отрубают, расстреливают, живьем сжигают...

– А рыбалка тут при чем?

– Так во время нее все и происходит. Да ты прочти, там такая динамика, не оторвешься. – Писатель-кассир выдвинул ящик стола, достал толстую папку и блокнот. На обложке блокнота была известная иллюстрация Василия Перова «Рыболов».

– Вот! Блокнотик я тебе дарю. В нем и рисуй, бумага хорошая, мелованная.

– Чего рисовать-то? – уточнил Виктор.

– Да все, что понравится. Инессу эту, на фашистку похожую, изобрази; повешение хозяина базы; нарисуй, как девчонку в колодец опускают. Только порнушечных сцен не надо, все равно цензура не пропустит. Так, грудь девичью оголи, и достаточно. А вот пожары – это хорошо, хорошо... Ну, и рыбалка, конечно. Типа, в оптическом прицеле убийцы – рыбачок в лодке со спиннингом в руках...

Работа в вечернюю смену имела хотя бы то преимущество, что можно было хорошенько выспаться и прийти на работу, что называется, огурцом. Сегодня это было тем более важно, потому что накануне по окончании маршрута Виктор не только традиционно раздавил с коллегами пузырьки на троих, но еще и неслабо догнал себя дома. Традиция пятницы заключалась в том, что сборщик во время маршрута затаривался бутылкой водки и легким закусоном и после того, как в отделении банка ценности сдавались на хранение кассирам, а оружие – дежурному, инкассаторы с чистой совестью возвращались в машину, выпивали по стакану, третью дозу оставляли водителю и расходились по домам.

Так было заведено. И если бы не переданная писателем папка с «нетленкой», Виктор, вернувшись домой, сварганил бы себе пельмешки, умял бы их под бутылочку пивка и завалялся спать.

Но по дороге домой в пустом трамвае инкассатор открыл рукопись и стал читать. Сначала там было про каких-то бандюков, собиравшихся за что-то отомстить неким рыболовам. Потом началось непосредственно про рыбалку, и Виктор так увлекся, что даже пропустил свою остановку. И как тут было не проворонить, когда читаешь такое:

«Вскоре на столике появились черный хлеб, пахучие помидорчики, бледно-розовая редиска, зеленый лучок, маринованные белые грибочки, пара бутылочек пива и бутылка водочки. Марат открыл банку тушенки и, завернув крышку вокруг обструганной палки, пристроил ее к огню – разогреваться. Когда в висящем над костром котелке закипела вода, добавил к уже варившейся картошке головку репчатого лука, щучьи головы и потрошенных окуней. После чего рыбаки налили в стопочки по пятьдесят граммов и, чокнувшись – за улов, выпили.

– Хорошо-то как! – жмурясь от удовольствия, сказал Марат...»

Спохватившись, Виктор подбежал к кабине вагоновожатого и попросил тормознуть. Тот не стал вредничать, трамвай остановил и единственного пассажира выпустил. А Виктор, выскочивший на освещенную фонарями улицу Свободы, домой торопиться не стал. Присел на лавочку, открыл подаренный Александром Ивановичем блокнот и на первой же странице быстро изобразил карандашом сцену, в которой два рыбака, абсолютно довольные жизнью, сидя за богатым закусочной столом, чокаются наполненными стопочками.

Рисовал, а у самого слюнки текли!

Дома, как только разделся и умылся, сразу рванул к холодильнику. Пельмени готовить не стал, закусочной под первую стопку стали кусочек бородинского, тонко порезанное сало из морозилки и соленый огурец. Хорошо-то как!

Чтобы стало еще лучше, быстро почистил пяток крупных картофелин, порезал ломтиками, кинул на сковороду с подсолнечным маслом, туда же покрошил луковицу, а когда яство слегка поджарилось, посолил, поперчил красным молотым перцем и кинул сверху три листика лаврушки. Пока дожаривалось, вернулся к рукописи.

«Водочка под горячую, благоухающую уху пошла замечательно. Однако трапеза неожиданно была прервана. Игорь узнал в проплывающей недалеко от берега лодке знакомых спиннингистов.

– Эй, Макс, Валентина, давайте к нам на уху! – крикнул он.

– О! Привет, Игорек, здорово, Марат! – Макс остановил лодку.

– Давайте сюда! Ушица только что с костра! – Для пушей наглядности Игорь поднял ложку и початую бутылку...»

Виктор не удержался, наполнил стопку и выпил не закусывая. Хорошо!

«Помимо четырех бутылок пива Макс выставил на стол пузатую фляжку – со спиртным, Валентина достала из рюкзака колбасу «Одесскую» и три консервные баночки с паштетами. Впрочем, эти консервы они так и не открыли. Все налегли на уху, и, когда тарелки и котелок опустели, а от окуней и щучьих голов остались одни косточки, захмелевшие рыбаки были в состоянии закусывать лишь овощами да грибочками...»

Виктор схватился за карандаш. Описываемая сцена на берегу Рузского водохранилища стояла у него перед глазами, и, когда картошка на сковородке начала подгорать, картинка была в деталях отображена на второй странице блокнота. Рисовал Виктор быстро...

Но, поставив внизу рисунка подпись и закрыв блокнот, он больше не думал ни о карандаше, ни о рукописи. Картошечка, хоть и слегка подгоревшая, была изумительно вкусной. Таковую он ел, служа на границе, и называли картошку почему-то «шмель». Как ложился спать, Виктор не запомнил, наверное, потому, что в бутылке осталось совсем чуть-чуть, на доньшке...

Утром убрал ее в холодильник. Сегодня после маршрута он вновь собирался выпить с Михалычем, но по традиции на этот раз угощать будет напарник и поставит он не одну поллитровку, а две – потому как суббота, банный день.

Все-таки работа во вторую смену имела и недостаток – пообщаться с друзьями можно было только в выходные, а они у Виктора приходились на воскресенье и понедельник. Такая вот специфика опасной профессии. И если бы не рисование, Виктор просто не знал бы, чем занять время с утра и до трех дня, когда пора было выдвигаться на работу.

Обзаводиться семьей он не спешил, считая, что сначала в жизни надо обустроиться, а для этого необходимо как минимум получить высшее образование, поэтому поставил себе цель – поступить в полиграфический институт. В том, что поступит с первого раза, Виктор не сомневался. Не сомневался и в том, что благодаря таланту художника, который пока не оценен публикой, станет известным и богатым. Хотя бы потому, что ему самому очень нравились свои рисунки. Нравились аж до трепета, до восторга.

Вспомнив, что вчера что-то рисовал, Виктор нашел блокнот с перовским рыболовом на обложке и открыл первую страницу. На ней два вдрызг пьяных мужика что-то доказывали друг другу, стуча кулаками по столу. На столе «красовались» остатки прежней роскоши: опрокинутые пустые бутылки, надкусанные помидоры, пустая банка из-под тушенки с торчащей из нее деревянной ложкой...

Виктор тряхнул головой и перевернул страницу. В другом ракурсе – тот же стол, заваленный разнообразной снедью, но еще и с закопченным котелком посередине, пустыми и полупустыми бутылками. За столом четверо, из них двое, по всей видимости, дошли до кондиции и спят мордами в тарелках, а еще двое, парень и девушка, отведя в стороны руки с пустыми стаканчиками, слились в поцелуй на брудершафт.

Стоп, стоп, стоп! Виктор протер глаза. Ну, выпил вчера, подумаешь, так ведь нормально выспался, и с памятью всегда без проблем. Но вот этого поцелуя – Виктор хорошо помнил, он не рисовал. Да и в тексте никакого поцелуя не было, с чего бы жена Макса стала целовать очкастого Игоря? Хотя...

Виктор взял страницы рукописи. Да, вот эта страница, на которой некие Макс и Валентина присоединяются к знакомым рыболовам и вместе пьют и закусывают. Но дальше-то он не читал. А что там, кстати, дальше?

Дальше начиналась глава, в которой какие-то отморозки поджигали лодочный ангар рядом с рыболовной базой, затем рассуждали о предстоящих в недалеком будущем соревнованиях по спиннингу.

Виктор отыскал ластик и очень тщательно стер обе картинки. После чего две первые страницы вырвал из блокнота, порвал и выбросил в пакет для мусора. Немного подумал, достал клочки бумаги, бросил в раковину и поджег спичкой. Когда от них остался только пепел, смыл его водой. До выхода на работу времени оставалось прилично, и Виктор, включив магнитофон с любимой группой «Воскресение», вновь взялся за рукопись.

Читать было интересно. Хотя бы потому, что автор очень живописно описывал процесс рыбалки. Но в нетленке было и многое другое. Как-то произвольно Виктор схватил карандаш и набросал иллюстрацию к только что прочитанному абзацу:

«— А вот и та самая тварь! — крикнула Инесса Станиславовна, увидев фотографию улыбающейся девушки. — Это она моего Жору подставила, сучара!

— Значит, двоих уже вычислили. — Правой рукой Волохов стиснул ее грудь, а левой вновь разлил коньяк по рюмкам. — Предлагаю выпить за наши потенциально первые жертвы...»

— Да по этой книге можно кино снимать! — сам себе сказал Виктор, поставив в рисунке после своей подписи последнюю точку и перевернув страницу блокнота.

Сюжет нетленки был острее некуда, хотя и в необычном антураже. Во всяком случае, Виктор до этого не читал и не знал ни одной вещи, где основное действие разворачивалось во время соревнований по ловле рыбы спиннингом. На этих самых спиннингистов некая организация под названием «Высшая справедливость» устроила целенаправленную охоту.

Другими словами, десяток снайперов, замаскировавшись на берегу, принялись выборочно отстреливать намеченные жертвы. За главного у боевиков был полковник Волохов, по чьему приказу на территории рыболовной базы и в ее окрестностях боевики устроили настоящий беспредел.

Карандаш Виктора замелькал над блокнотом, отображая сцены убийств. Вот рыболов с густыми бакенбардами упал в лодку, получив пулю в спину, вот другой мужчина задержался в петле после того, как у него из-под ног выбили табуретку, вот снайпер в камуфляжной форме берет на мушку парня, стоявшего в лодке со спиннингом в руках...

Чуть ли не каждая страница текста была достойна иллюстрации, и Виктор рисовал, читал и рисовал, рисовал. Оторвался от блокнота и рукописи, когда до выхода на работу осталось пять минут, вспомнил, что не пообедал и, быстро сварганив пару бутербродов с колбасой, выскочил из дома.

Произведение Александра Ивановича читал и в трамвае, и во время маршрута — когда появлялась возможность, то есть либо во время движения автомобиля, либо пока Михалыч инкассировал очередную точку. Водитель, по прозвищу Судак, был неразговорчив и потому Виктора от чтения не отвлекал, что радовало. Михалыч — сборщик, вернувшись в машину и передав старшему — Виктору Кармазову сумку с деньгами, всего лишь объявлял название следующей точки, хотя все знали это и без него — маршрут был расписан по минутам и, можно сказать, по метрам.

Помимо опломбированных сумок Михалыч приносил и кое-что другое. Из булочной — батон белого, из овощного — пакетики с квашеной капустой и солеными зелеными помидорами, из продуктовых — три пакета молока и граммов семьсот колбасы «Любительской», нарезанной правильными ломтиками, и, конечно же, водку. Надо заметить, что ни за продукты, ни за спиртное инкассатор не платил ни копейки: так было заведено — давали. Сюрпризом для водителя и старшего маршрута стали шесть бутылочек пива, и не какого-нибудь, а произведенного в Польше, с овальной этикеткой, на которой танцевали юноша и девушка. Какой-никакой, но традиционный субботний праздничек по окончании маршрута инкассаторов ждал.

Зачитавшись, Виктор не заметил, как пролетело время и они вернулись к отделению банка с двумя мешками, набитыми деньгами. Сумки сдали без проблем и быстро. Затем, разоружившись, пили в машине, и, опять же по субботней традиции, водитель развез инкассаторов по домам.

Одно дело – выпить дозу, другое – почти две дозы, к тому же, можно сказать, с условной закуской. Для закаленного Михалыча и три стакана с одним соленым огурцом оказались бы в самый раз. Виктор же заметно захмелел. Но и был этому рад, тем более – завтра на работу не идти, тем более – притащил домой парочку пива.

Разувшись, одну бутылку открыл и сделал три жадных глотка. Вторую вместе с пакетом молока убрал в холодильник. Завтра утром в охоточку можно будет сварить на этом молоке геркулесовую кашу, которую Виктор любил с детства, особенно если ее чуть-чуть подсластить и сверху бросить кусочек сливочного масла. Сейчас есть вроде бы не хотелось, но к пиву Виктор достал из кухонного шкафа вяленого подлещика. Постелил на столе газету и быстро, умеючи почистил рыбу. Газету с очистками выбросил в мусорное ведро, а ребра, спинку с хвостом и толстую, блестящую жиром икру выложил на тарелку.

Когда половина икры была съедена, ребра обглоданы, а первая бутылочка пива выпита, Виктор помыл руки и взялся за блокнот. Он не забыл, что нарисованные накануне две сцены на берегу водохранилища утром оказались словно бы кем-то перерисованы, что он стер картинку ластиком, а вырванные страницы сжег. Потому и не спешил открывать блокнот: вдруг и с новыми рисунками случилось нечто подобное.

А когда открыл, едва не поперхнулся холодным пивом из второй бутылки. Он помнил, что запечатлел эпизод, в котором Волохов одной рукой беззастенчиво лапает Инессу, а в другой держит бутылку коньяка. Далее по тексту он практически насилует женщину, и Инессе приходится терпеть эту так называемую вербовку.

Саму сцену насилия, помня просьбу писателя не увлекаться порнушкой, Виктор рисовать не стал, хотя у него это неплохо бы получилось. Но сейчас на листе блокнота была именно порнография, причем не соответствующая сюжету романа. В отличие от текста, на рисунке Инесса была «госпожой»: оставшаяся лишь в бюстгальтере и очках, она, очень довольная, оседлала Волохова, словно наездница умиротворенного жеребца.

Виктор приложил холодную бутылку ко лбу и перевернул страницу. Картинка, нарисованная несколько часов назад, была в два плана: на ближнем болтался в петле только что повешенный мужчина, на дальнем – девушка со связанными за спиной руками стояла на коленях перед Волоховым и выкрикивала проклятия палачам. По тексту табуретку из-под ног директора базы выбили после того, как его жена отказалась добровольно выполнить похотливые требования боевиков. Повесив мужа, те для начала Людочку избили, затем стали по очереди насиловать.

Теперь на ближнем плане директор базы был жив, но со все той же петлей на шее сидел на крыльце гостиницы, обхватив голову руками, а балка, к которой был привязан другой конец веревки, оказалась сломанной. На дальнем плане мужчина в камуфляже стоял, широко расставив ноги и задрав голову, а Людочка уткнулась ему головой в пах.

«Вот оно как! – Виктор приложился к бутылке. – А в блокноте сюжетец-то изменился. И не просто изменился. Директор чудом спасается, а его жена, чтобы палачи не придумали новую казнь, исполняет все, что от нее требуют. Получается, блокнот и нарисованные в нем персонажи живут своей собственной жизнью?»

Он принялся перелистывать страницы. Рисунки изменились на каждой. Днем он рисовал лодку с веслом, у которого только что отстрелили лопасть, теперь эта лодка была наполовину затопленной, а спиннингист вместо того, чтобы ловить рыбу, лежал в ней навзничь, с окровавленным лицом.

Виктор рисовал сцену драки рыболова и боевика в прибрежных камышах, и в ней положительный герой явно одерживал верх – так было по сюжету! Но на изменившейся картинке боевик вонзал сопернику нож в горло.

Зато на другой картинке один из спиннингистов, который опять-таки по сюжету отправлялся на дно с пулей в груди, на странице блокнота из последних сил выползал на берег...

«Ну и что мне со всем этим делать? – Виктор нервно захлопнул блокнот. – Сжечь, так же как и две первые страницы? Или повременить, посмотреть, возможно, картинки вновь изменятся. Интересно-то как!»

Пиво кончилось. Рыба осталась. А хмель вроде бы выветрился. Или же, наоборот, Виктор пребывал в некоем опьянении – с чего бы тогда ему мерещились изменения в собственноручно нарисованных картинках? Ведь могло же быть такое, что водку, которую они распивали после маршрута, как говорится, «ключница делала». Но ведь и две вчерашние картинки по прошествии времени тоже изменились, а вчера водку пили другую, не может такого быть, чтобы и с той «ключница» постаралась.

В блокноте все дело? Или в карандаше? Или в нем самом? Непрочитанными в нетленке оставалось страниц пятьдесят. Но и прямо сейчас, по памяти Виктор мог бы выдать десятка два рисунков, и каждый отображал бы страсть, смерть, спасение, и все – в динамике, в динамике! Интересно, что скажет Александр Иванович, если увидит иллюстрации, так сказать, «по мотивам»?

На подоконнике у Виктора пылилась бутылка самогона, привезенная из деревни Плосково, где он как-то гостил у родного дядьки. Самогон Виктор не любил, зато берег для друзей, хотя в холодильник бутылку не убирал, чтобы место не занимала. Теперь решил махнуть теплой мутноватой жидкости крепостью градусов под семьдесят, глядишь, какая-нибудь мысль возникнет.

Махнул стопочку, закусил соленым огурцом. Открыл в блокноте чистую страницу. Рука словно бы сама собой начала отображать один из типичных сюжетов нетленки. В романе было сплошное насилие, больше всего описывались убийства, Виктор же очень быстро набросал сценку, в которой привязанная к флагштоку девушка готова была сделать для боевиков все, только бы ее не убили. Он нарисовал крупным планом ее искаженное страхом лицо, молящие о пощаде глаза...

По сюжету перед ней должен был стоять некий Цыплаков, с довольной улыбкой растягивающий брюки. Цыплакова Виктор рисовать не стал. Вместо него взял да и нарисовал условного парня, но подразумевая себя – такого, каким был сейчас – в футболке, спортивных штанах и тапочках, готового воспользоваться покорностью беззащитной девушки. Рисовал Виктор очень быстро...

Отложив блокнот, наполнил стопочку, крикнув, выпил и закусил. После чего задумался – что же на самом-то деле происходит? Крыша у него поехала или блокнот творит чудеса? Впрочем, происходящее Виктору было очень интересно и даже приятно. Пусть даже и крыша у него поехала, все равно он испытывал какой-то особенный кайф. С другой стороны, не мог он ни с того ни с чего сдвинуться. Значит, все дело в блокноте. В блокноте?

Он вдруг ощутил боль в правом ухе, – словно кто-то со всей дури кулаком врезал. Скривился. И вновь боль – на сей раз в правом боку. Машинально выполнил руками блок, защищая туловище, и тут же вновь скривился от возникшей боли в предплечье.

Догадался, что его бьют. Кто? Почему? За что? Взгляд упал на страницу блокнота. На той странице он нарисовал лишь условного себя и готовую к любым унижениям Валентину, но теперь там возник новый персонаж, по всем признакам некто Эдуард Лещевский. Его образ Виктор до сих пор на бумагу не перенес, но именно таким он Лещевского и представлял. И вот этот Эдуард прямо у него на глазах, вернее, на странице блокнота, появился откуда ни возьмись и на него же, Виктора, с кулаками и набросился...

В тексте нетленки Эдуард накануне соревнований начал флиртовать с Людочкой, добился от нее взаимности и за это получил от ее ревнивого мужа вгрызло. На следующий день Эдуард решил от ревнивца держаться подальше, благо в соревнованиях был заявлен как запасной. Однако, когда увидел творившийся беспредел, бросился выручать насилуемую девушку, но тут же был схвачен и связан. Но всего этого Виктор не рисовал!

Больно, больно, больно...

Наткнувшись пальцами на ластик, Виктор интуитивно провел им по открытой странице блокнота. Тут же посылы боли прекратились. Он с усердием стал стирать картинку, и все... все! Страница в альбоме стала чистой, хотя ушибленные места на нем самом давали о себе знать.

Может, позвонить Александру Ивановичу? Ведь это его рукопись и блокнот. А может, все дело в его, Виктора, умении художника настолько достоверно отображать персонажи, что они начинают жить на бумаге своей жизнью?

Виктор выхватил из лежавшей на тумбочке пачки бумаги чистый лист формата А4. Быстро отобразил сцену, в которой посередине водоема покачиваются борт о борт две лодки и в одной рыболов только что вытащил из воды якорь, во второй некто в камуфляжной форме держит его под прицелом карабина. По ходу сюжета в следующую секунду боевик нажимал на спусковой крючок и отстреливал Максиму мизинец на руке. Тот ронял якорь, который проби-вал в лодке приличную дыру, а еще через секунду со стороны ближнего острова раздавался выстрел, и боевик получал пулю в затылок.

Постаравшись, Виктор скопировал эту же картинку на странице блокнота. Потом махнул еще самогона и завалился спать. Разбираться со всеми этими сюжетами и рисунками следовало утром, на свежую голову.

Разбуженный телефонным звонком, Виктор услышал в трубке голос дежурного по инкас-сации. Часы показывали половину десятого утра, а дежурный не столько попросил, сколько потребовал выйти сегодня поработать во вторую смену – за отгул, мол, Михалыч что-то при-болел, а в резерве никого нет. Каких-то планов на вечер Виктор не строил, к тому же воскрес-ный маршрут был самым легким и коротким, да и перечить дежурному не хотелось. Виктор и не стал перечить, согласился выручить и лишь после того, как повесил трубку, вспомнил, что сборщиком на его маршруте по воскресеньям бегают товарищ Козлов – самый неприятный человек среди всех работников банка.

Сетовать было поздно. Хорошо хоть, голова после вчерашнего смешения водки, пива и самогона не болела. Умывшись-побрившись, попил чайку. Наполовину полная бутылка мут-новатого самогона стояла на столе. Тоскливо на нее поглядев, Виктор пощипал себя за кончик носа и убрал «праздник души» в холодильник – на вечер.

После маршрута, кстати, выпивон с напарником не грозил – товарищ Козлов, когда бегал сборщиком, хоть и получал чаевые в виде той же поллитровки, никогда никого не угощал, все, что «отстегивали» кассирши, прятал в объемистый портфель, который в начале маршрута ставил себе между ног. Сам же от угощений никогда не отказывался, видимо руководствуясь поговоркой: «Бьют – беги, дают – бери». Уж на что был лояльный к сослуживцам дядя Миша Хлепатурин, всю свою жизнь отдавший инкассации и теперь работавший в сумочной, так и тот за глаза называл Козлова не иначе как кАзёл, словно выплевывая это «А»...

На листе формата А4 были все те же две лодки, покачивающиеся на волнах, на одной стоял Максим, держа якорь, на другой – боевик с карабином. Виктор вздохнул и открыл блок-нот на заложенной карандашом странице, – никакого соответствия дальнейшему сюжету! По новой версии развития событий Максим, не дожидаясь выстрела, умудрился швырнуть якорь в боевика, который угодил тому в грудь. Боевик все-таки выстрелил, но в воздух, и теперь, на картинке, опрокидывался с лодки в воду с гримасой удивления, отчаяния и боли.

Блокнот! Все дело в блокноте!!!

А если нарисовать в нем не сцены из рукописи, а что-нибудь другое? Неужели и это тоже начнет жить своей жизнью? Что нарисовать, что? Виктор никогда не жаловался на недостаток воображения, а тут словно вошел в какой-то ступор. Уставившись на холодильник, в котором мерзла наполовину полная бутылка самогона, только о ней и думал, только ее нарисовать и хотел.

И ведь нарисовал. Сначала на новом листе бумаги формата А4, затем на чистой странице блокнота. И там, и там, бутылка стояла на его кухонном столе, а он сам сидел перед ней и держал в руках пустой стакан – то ли только что выпил, то ли собирался его наполнить. Сидел, глядя на два одинаковых рисунка, и чего-то ждал. А когда, зажмурившись, представил только что нарисованное, а затем открыл глаза, увидел, что на страничке блокнота произошли изменения – теперь стакан в его руке был наполнен доверху мутноватой жидкостью. Виктор вновь зажмурился... Теперь на рисунке он подносил стакан к своему рту. Моргнул еще раз – стакан пустой, человек, только что его выпивший, морщится, вроде бы от удовольствия.

Внутри у Виктора все потеплело, похорошело, легкий хмель ударил в голову. Вот оно как! Хорошо, хорошидзе! Блокнот-то какой чудесный! Этак ведь можно, можно... Виктор как-то враз почувствовал опьянение. А через несколько часов ему идти на работу – там оружие получать, сумки с деньгами принимать, потом в банк сдавать...

Так! Он открыл холодильник. Бутылка все так же стояла на полке, но теперь горячительной жидкости в ней стало заметно меньше. Значит, и в самом деле каким-то образом через рисунок в блокноте – махнул стакан?! Виктор схватился за ластик и с усердием стер последнюю картинку. Не протрезвел. Либо протрезвел, но казалось, что все еще пьяный. Если блокнот действительно обладает такими чудесными свойствами, сколько же можно с его помощью сотворить!

Но думать об этом надо на трезвую голову. И Виктор вновь завалился спать, благо до выхода на вечерний маршрут оставалось несколько часов...

Спал недолго, а проснувшись, для начала довольно плотно пообедал. Сварил себе не типичную порцию пельменей, не тринадцать штук, что подавали, к примеру, в «Варениках» вблизи кинотеатра «Баррикады», а ровно в два раза больше. И в отличие от столовой порции, снабдил свою, помимо кусочка сливочного масла, еще и двумя столовыми ложками майонеза, добавил на край тарелки жгучей горчицы и в меру покапал уксуса на исходящие аппетитным паром пельменки. Под такое бы блюдо да сто пятьдесят самого-ночки, но нельзя – впереди маршрут, тем более напарником будет настоящий кАзёл.

Виктор замечал, что иногда от обильной еды чувствовал что-то похожее на легкое опьянение. Так было и теперь, когда он отправился на работу, хотя, возможно, это являлось последствием выпитого утром самогона.

Недочитанный роман «Криминальная рыбалка» на работу не взял, зато прихватил блокнотик с карандашом и ластиком. Хотелось кое-что проверить.

Товарищ Козлов, как всегда, появился в отделении банка раньше напарника, был в форменном инкассаторском костюме синего цвета, на котором красовались наградные колодки – якобы им заслуженные. Ни один работник банка в его заслуги не верил – ничего этот кАзёл не мог заслужить по-честному.

Виктор Кармазов поздоровался с ним по-деловому, постаравшись в его сторону не выдыхать. Хотя в плане пьянства Козлов, каким бы ни был сложным человеком, никого никогда не упрекал – сам еще тот алкоголик. И все-таки Виктор не стал будить лихо, пока оно тихо. Он задумал другое.

Водителем тушинского маршрута оказался Джон Маленький. В отделении банка Джонов было трое: Джон Большой, просто Джон и Джон Маленький. На самом деле Джон Маленький был из этой троицы самый старший и опытный, просто ростом не вышел. Зато буквально все маршруты знал от и до, да и вообще нормальный был мужик, с которым и поговорить было о чем, и поржать.

Человек он был простой. После первой же проинкасси-рованной Козловым точки Джон Маленький невинно так поинтересовался:

- А что это вы, товарищ сборщик, в свой знаменитый портфель убрали?
- Домой кое-что прикупил, – огрызнулся тот.

– И что же именно? Не полкило ли колбасы, которой кассирша этого продовольственного обычно инкассаторов угощает?

– Нет. Нет! – взъярился Козлов. – Я эту колбасу на свои кровные купил!

– Гы-гы-гы, – отозвался водитель. – Обычно ребятам здесь забесплатно закуски дают, особенно по воскресеньям, а вы, значит, прикупили за свои кровненькие? Гы-гы...

– И нечего ржать! К сто пятому продуктовому давай рули!

– Я и рулю.

– Вот и рули!

– Вот и рулю...

– Вот и рули!!!

– А в сто пятом пузырек тоже за свои кровные покупать будете?

– Не твое дело...

– Чего это не мое? Я, могёт быть, как и все нормальные люди, мечтаю вечерком махнуть дозочку, заслуженную честным трудом...

– Ну так и махни! Я-то тут при чем?

– Выражаясь простым языком, вы, товарищ сборщик, куркулятничаете.

– Кто куркулятничает? Я куркулятничаю?

– Ну не я же. И не Витек...

– Да вы мне в сыновья годитесь! Да вы, да ты...

Виктор в разговоры-споры не вмешивался, держал в руках блокнот и никак не мог решиться, какую же нарисовать сцену из романа «Криминальная рыбалка». Либо девушку, которую боевики собираются опустить на цепи в колодец, либо рядом с тем же колодцем – многострадальную Людочку, на оголенной спине которой садист Цыплаков вырезает ножом «В» и «С» – первые буквы названия организации «Высшая справедливость».

Для начала нарисовал колодец. Обычный бревенчатый колодец – с козырьком, деревянным воротом, вокруг которого намотана цепь, и с изогнутой металлической ручкой.

«Нет, – вдруг решил Виктор, – опускание в холодную воду – ерунда, а вот повешение – совсем другое дело!»

Он перевернул страницу и нарисовал уже привычное крыльцо гостиницы, внизу – табуретку, к балке наверху пририсовал веревку, продетую в петлю голову человека, которого собирались повесить боевики. Нарисовал и боевика, собиравшегося выбить табуретку из-под ног приговоренного. Ну а приговоренным, конечно же, оказался товарищ Козлов – в своем форменном костюме и к тому же с портфелем в руках.

Козлов, усевшийся на сиденье рядом с водителем, передал назад сумку с выручкой, сам же взялся за портфель, открыл его, вытащил из внутреннего кармана пиджака что-то объемистое, завернутое в газету... И тут Виктор, посмотрев на страницу блокнота, закрыл глаза.

Открыл, услышав хрип. Товарищ Козлов, забыв о портфеле и о свертке, держался руками за горло, словно пытаясь что-то от себя оторвать. Виктор взглянул на страницу блокнота: боевик стоял рядом с крыльцом, уперев кулаки в бока, табуретка и портфель валялись в стороне, а под балкой корчился в петле мужик в инкассаторском костюме.

– Сборщик, ты чего? – закричал Джон Маленький. – Что с тобой? Помощь нужна? Витек, чего это с ним?

Виктор, как-то в одно мгновение осознал, что если моргнет еще раз, то у сидевшего рядом с водителем Козлова впредь навряд ли появится возможность куркулятничать. Ластик был под рукой, и Виктор быстро стер только что нарисованное. И тут же товарища Козлова отпустило.

– Хлопцы! – выдавил он. – Что это было-то? У меня горло как будто сдавливать начало?

– Это вас, товарищ сборщик, жаба чуть не задушила, – нашелся водитель, хотя, обернувшись на Виктора, округлил глаза и вытянул лицо, мол, сам ничего не понимает.

Виктор пожал плечами, мол, тоже не в курсе, при этом вырвал страницу со стертым рисунком и выбросил ее в приоткрытое окошко. Джон Маленький подозрительно уставился на блокнот, но ничего не сказал, завел машину и тронулся катать маршрут дальше, благо и без подсказки инкассаторов знал, какая точка будет следующей. А Виктор стал вспоминать эпизоды из нетленки, которые не заканчивались смертью, но приносили персонажам страдания.

По сюжету романа «Криминальная рыбалка» нехило помучиться пришлось Эдуарду Лещевскому. Мало того что его избили, так потом еще прибили гвоздями ладони и ступни к стене гостиницы – типа распяли, а Инесса принялась бросать в него стрелы, предназначенные для игры в дартс...

Когда сборщик ушел инкассировать очередной магазин, Виктор быстро нарисовал эту сцену, только вместо рыболова распятым оказался товарищ Козлов. Последнюю точку в рисунке поставил, когда тот вернулся в машину. Виктор принял от него сумку, проверил plombу и накладную, сумку убрал в мешок, накладную – под скрепку к другим накладным. Посмотрел на альбом и, дождавшись остановки машины перед светофором, закрыл глаза.

Товарищ Козлов закричал. Закричал и Джон Маленький – от неожиданности или просто испугавшись поведения инкассатора, на поясе которого, между прочим, висела кобура с пистолетом, – мало ли что тому на ум придет. Козлов, продолжая орать, и впрямь схватился за кобуру, но тут же, словно обжегшись, отдернул руку, засучил ногами.

Крики прекратились, как только Виктор несколько раз провел ластиком по рисунку. Страница альбома вновь стала чистой, и он ее поспешно вырвал и выбросил в окно. Козлов же сидел весь в поту и, тяжело дыша, в страхе крутил головой по сторонам. Водитель тоже успел вспотеть.

– Что с вами? – негромко поинтересовался Джон Маленький.

– Не знаю, хлопцы! Ладони вдруг очень сильно заболели, и ноги, и вообще все тело начало болеть...

– Может, вам в больницу надо?

– Нет, нет, все прошло. – Пожилой инкассатор вытер рукавом лицо.

Светофор поменял свет на зеленый, и вскоре водитель остановил машину напротив очередного магазина, идти в который сборщик не спешил – никак не мог отдышаться. Наконец Козлов жалостливо посмотрел сначала на Джона Маленького, потом на старшего маршрута.

– Вот что, хлопцы... Ты, Карма, может, добегаешь за меня маршрут? Все чаевые твои, конечно. А я передохну, ладно?

Виктор пожал плечами.

– И вот еще что. – Козлов схватил свой портфель, стал доставать из него свертки и совать их удивленному водителю. – Бери, бери, не стесняйся. И потом не говори, что меня жаба душит. Нет-нет-нет!

– Да чего ты мне-то даешь, – обрел дар речи Джон. – Назад передай, старшему, там места много.

– стакан-то у тебя есть? – спросил Козлов.

– Естественно. – Водитель открыл бардачок и кивнул на граненый стакан.

– Доставай! – скомандовал сборщик, а сам освободил от газеты бутылку водки и свинтил крышку. Не мешкая, налил себе ровно дозу, залпом выпил. – Все, хлопцы, остальное – вам.

Воскресный маршрут был и без того коротким, к тому же Виктору осталось проинкассировать меньше половины точек, но чаевых он собирал больше, чем в будни. Понятно, почему ветераны инкассации, как правило, бегали сборщиками по субботам и воскресеньям.

Эксперименты с чудесным блокнотом Виктор пока прекратил – не было возможности взяться за карандаш, да и без того многое прояснилось. Если свойства блокнота не исчезнут, сколько же всего можно напридумывать и осуществить! Но только не при свидетелях и не сейчас, а в одиночестве и дома.

Остаток маршрута Козлов просидел на заднем сиденье, тише воды, ниже травы. Джон Маленький тоже помалкивал. Поговорили они с Виктором, только когда сдали в отделении банка ценности и оружие и распрощались с Козловым. Они сели в машину, и, глядя, как Козлов, словно пыльным мешком прибитый, идет по вечерней московской улице с необычно тощим портфелем в руке, Виктор медленно выпил стакан водки.

– Чего это с Козлищем случилось? – спросил Джон Маленький.

– Понятия не имею, – ответил Виктор, закусывая бутербродом с колбасой. – Может, ты своими подковырками и в самом деле у ветерана совесть разбудил.

– Сомневаюсь. – Водитель подозрительно посмотрел на Виктора. – Слушай, а чего это ты там все время рисовал?

– Да так, практикуюсь, хочу в полиграф поступить.

– Засвети!

– Не могу. Плохая примета.

– Да брось, когда это художники свои творения скрывали...

– Нет, Джон, извини.

– Если не покажешь, домой не повезу, общественным транспортом добираться будешь, – пригрозил водитель.

– Думаешь, испугал?

– Ладно, шучу, – улыбнулся Джон Маленький. – Не хочешь, не открывай свои секреты. Помчались...

* * *

Дома Виктор долго сидел перед блокнотом, открытым на чистой странице. Таких страниц оставалось гораздо больше, чем использованных. Пересматривать рисунки не спешил, хоть и было любопытно, – наверняка там вновь произошли изменения. Сначала надо было дочитать рукопись, и он взялся за стопку листков.

Накал страстей в нетленке не снижался, даже наоборот. Положительные и отрицательные герои гибли едва ли не на каждой второй странице. В кульминации рыбаки, как и следовало ожидать, одерживали верх над злодеями.

По тексту разоруженных бандитов запирали в канцелярии гостиницы, которую те сами облили бензином, с целью сжечь в ней плененных спиннингистов. Но Лещевский не стал ждать законного правосудия и, мстя за себя и товарищей, выстрелил в гостиницу из ракетницы:

«...Шипящая красная ракета, предназначенная для сигнала «Финиш!», вырвалась из ракетницы и, чуть вильнув, устремилась в сторону окна гостиницы, из-за решеток которого потрясали воздух кулаки.

Все могло закончиться по-другому. Волохову достаточно было подставить под ракету ладонь, и он отделался бы лишь ожогом. Но полковник отдернул руки и присел, вжав голову в плечи. Искрящаяся ракета влетела в помещение, ударилась в дверь, запертую с внешней стороны на засов, и упала на залитый бензином пол.

– Вот вам высшая справедливость! – сказал Эдуард Лещевский».

Это была последняя страница рукописи. Боевики сгорали вместе с гостиницей, никто из рыбаков даже не подумал прийти им на помощь, а кто-то в это время, ни о чем не догадываясь, продолжал ловить рыбу...

История Виктору понравилась, нарисовать действительно можно было многое. Но, наверное, лучше не в альбоме, а на обычных листах – так рисунки и сканировать проще, и сюжет на них меняться не должен. И все-таки ключевую сцену, когда Лещевский наводит ракетницу на гостиницу, Виктор нарисовал в блокноте. Очень было интересно, что может в такой ситуации измениться, после того как художник ненадолго закроет глаза.

Но прежде Виктор не отказал себе в удовольствии достать из холодильника самогонку и налить стопочку. В бутылке осталось еще примерно на три приема. Нормально. Вспомнил, как нарисовал себя, пьющего, после чего и в самом деле слегка захмелел. Что ж, пора было провести очередной эксперимент. Виктор моргнул. На рисунке в блокноте Лещевский уже не целился из ракетницы в окно гостиницы – его руку перехватил оказавшийся рядом приятель, который, видимо, хорошо понимал, чем может закончиться выстрел. Виктор моргнул еще раз.

На рисунке кто-то из сцепившихся друзей-рыболовов все же нажал на спусковой крючок. Но сигнальная ракета полетела не в окно гостиницы, а в совершенно противоположную сторону – прямо в него, Виктора.

Он не стал прятаться, как отрицательный герой романа «Криминальная рыбалка» полковник Волохов. Вместо этого схватил со стола бутылку и выставил ее перед собой. Сигнальная ракета, вырвавшаяся со страницы блокнота и появившаяся на кухне обычной тушинской квартиры, врезалась в поллитровку, которая лопнула с коротким треском. Осколки и искрящаяся ракета упали на раскрытый блокнот, на него же вылились остатки самогона, сразу занявшиеся огнем. Виктор отпрянул, наткнулся на стул и упал, но тут же вскочил.

Чудесный блокнот горел голубым пламенем. Виктор дернулся было его схватить, но пожалел руки, хорошо понимая, что погасить огонь все равно не получится. Блокнот сгорел быстро – вместе с рисунками, которые отображали ситуации из пока не опубликованной нетленки, но обретавшие на чудесных страницах самостоятельную жизнь.

Какое-то время Виктор Кармазов глядел на пепел. Потом оделся и выбежал из дома в ночное Тушино. Он хорошо помнил, где именно выбрасывал из окна машины странички блокнота со стертыми рисунками. Таких страничек было две, и хотя бы одну из них он очень надеялся отыскать!

Часть вторая

Чудесные страницы

Чего только не случается в работе инкассаторов! Работа опасная – люди деньги возят. Хотя и не опасней других работ. Денежные суммы, конечно, перевозят очень большие, да только потенциальные грабители связываться с инкассаторами боятся. Потому что у каждого инкассатора и у водителя на поясе в кобуре имеется пистолет системы Макарова и каждому дано право этот ствол применить, согласно инструкции.

Но инструкции – инструкциями, а люди в инкассации работают живые, и у всех бывают свои желания и потребности. К примеру, захотел старший во время маршрута выпить кружечку пивка – кто ему запретит? Не сборщик же и не водитель. Старший маршрута просто скажет водителю, мол, останови-ка рядом с такой-то закусочной, мол, что-то в горле пересохло. И – к черту инструкции, пивка хочется.

Попадая на утренний маршрут, обслуживающий сберкассы в районе Октябрьского поля, Щукина и Тушина, а точнее – доставляя в эти сберкассы деньги и забирая, так называемый «пересчет», Виктор неизменно выпивал с Иваном Георгиевичем по кружечке пива. Иван Георгиевич, которому было за шестьдесят, всегда, хоть и назначался сборщиком, без разговоров садился на заднее сиденье и исполнял обязанности старшего маршрута. Сберкассы – это не магазины и столовки – со сберкасс инкассаторам никогда не перепало никакого навару в плане чаевых и тому подобного. Вот Иван Георгиевич и не парился – сидел на заднем сиденье, в нужный момент подавал напарнику соответствующие сумки и опять-таки в нужный момент другие сумки у сборщика принимал. Работа не пыльная.

Но наступало время, когда Иван Георгиевич строго так говорил водителю: «Джон, останови-ка туточки, нам с Вить-ком позавтракать надо». И тогда, допустим, Джон Большой, Джон Маленький, просто Джон или любой другой водитель останавливал инкассаторскую машину напротив любимой закусочной Ивана Георгиевича, и тот с Виктором отправлялся «завтракать». Стоимость завтрака в той закусочной на двоих составляла ни много ни мало – один рубль и две копейки, и на эти деньги два инкассатора получали по кружке холодного пива, по две горячих сосиски гриль и по кусочку черного хлеба. Лепота...

Несколько часов назад напротив именно этой закусочной Виктор выбросил страничку из чудесного блокнота, после того как стер ластиком нарисованную на ней сцену повешения товарища Козлова.

Теперь время было позднее, ночь. И с одной стороны, это было хорошо – дворники начнут мести часов в шесть утра, значит, страничка никуда не денется. С другой – идти пешком до закусочной далековато. Виктор редко ездил на такси – не было особого смысла, да и денег жалко. Но сейчас, выйдя на дорогу, поднял руку, голосуя. Таксист цену за проезд не завысил и вскоре высадил ночного пассажира напротив закусочной и уехал.

Скомканный лист бумаги, вырванный из блокнота и выброшенный в окно машины, Виктор нашел быстро. И сразу пожалел, что отпустил таксиста – надо было доехать с ним до магазина, где валялась еще одна страничка. Впрочем, тот магазин находился неподалеку, и Виктор неторопливо к нему направился. Но уже через несколько минут понял, что напрасно не торопился. При подходе к магазину его обогнала знакомая машина с зеленой полосой вдоль борта – инкассаторская. Та самая, на которой Виктор катал вечерний маршрут и за рулем которой сидел тот самый Джон Маленький. Виктор замахал руками, побежал за машиной, но куда там!

Водитель или не видел его, или не посчитал нужным соответственно отреагировать. Он просто остановился напротив магазина, выскочил на улицу, быстренько подобрал что-то с земли, залез обратно в машину и умчался в ночную Москву.

Виктор даже не стал гадать, что именно искал Джон – еще во время маршрута тот слишком уж подозрительно косился на его блокнот. Только ему-то зачем понадобилась эта страничка? По разумению, он никак не должен был знать о ее чудесных свойствах. Разве что сопоставить необычное поведение товарища Козлова, когда того неожиданно словно что-то начало душить, а потом у него вдруг жутко разболелись ладони, ступни и другие части тела, – с тем, как Виктор поспешно стирал со страничек рисунки и затем выбрасывал. Возможно, Джон что-то заподозрил, особенно после того, как Виктор наотрез отказался показывать ему нарисованное в блокноте...

Джон Маленький работал по графику сутки – трое. По традиции в субботу и воскресенье водители после окончания работы развозили инкассаторов домой. Козлова не надо было куда-то везти, старик жил в двух шагах от здания банка. Наверняка, подбросив Виктора до дома, Джон поехал халтурить, условно переименовав инкассаторскую машину в такси, – если бы понадобился дежурному, тот вызвал бы его в банк по рации. Ну, а подзаработав денег, решил-таки проверить, что же такое рисовал старший маршрута. Возможно, просто поблизости проезжал. Вот и проверил – нашел пустую страничку, которую наверняка сразу и выбросил, только Виктору теперь ее не найти. А жаль...

На следующее утро, в понедельник у Виктора был законный выходной, и, выспавшись, он стал собираться на рыбалку. В одной из деревушек под Звенигородом обитал его друг Никита, который на днях взял отпуск. Наверняка Никита всю первую половину дня проведет в огороде и будет хлопотать по хозяйству. Можно нагрянуть к нему с удочкой и бутылкой, выпить, закусить и вместе пойти ловить карасей, благо прудик был совсем рядом с Никитиным домом. Ну а там как пойдет – либо поздно вечером вернуться в Москву, либо зависнуть в деревне, переночевать у друга и уехать домой днем, чтобы спокойно выйти работать в вечернюю смену.

С Никитой, который родился и вырос в деревне, они дружили с детства. В той же деревне родители Виктора снимали на лето дачу. Познакомились парни на рыбалке, сдружились, стали вместе ходить по грибы, играть в футбол, драться с ровесниками из соседней деревни, гулять с девочками. И в армию ушли один за другим, а отслужив срочную, Виктор нет-нет да приезжал к Никите погостить, – дачу-то его родители снимать перестали.

Перестали, потому что рядом с деревней началась масштабная стройка недавно образованного дачного кооператива. Раньше там были тишина и спокойствие, а теперь...

Виктор очень любил места в окрестностях Звенигорода, где провел лучшие месяцы своей жизни. И ему было обидно, что не стало поля, где он собирал горох, что вырубают лес, который раньше радовал грибами, земляникой, черникой, что на просеке осушили пруд, в котором ловились красные караси, а саму просеку застраивают дворцами-коттеджами. Обидно – до зубового скрежета...

Выйдя на безлюдную в это время платформу Скоротово, Виктор записал время отправления в Москву интересующих его электричек и по знакомой лесной тропинке кратчайшим путем направился в деревню Кобяково, к Никите. Здесь лес пока что не тронули. Пока что! Будь у Виктора власть, он бы никогда не позволил вырубать лес и строить новые дачи. А были бы у него сверхъестественные способности – вообще стер бы с лица земли все коттеджи, построенные, допустим, в последние десять лет. Он был глубоко убежден, что подавляющее большинство этих коттеджей строится на нечестные деньги, вот и поделом было бы ворюгам да взяточникам...

Размышляя так, Виктор постоянно возвращался мыслями к страничке из чудесного блокнота, которая, разглаженная утюгом, теперь лежала в толстой тетради, в его рюкзаке. Он собирался кое-что проверить.

Лес кончился, и Виктор вышел на просеку, теперь разбитую на участки, с уже возведенными заборами, а кое-где и с уже почти достроенными коттеджами. Стучали молотки, визжали пилы, строительство шло полным ходом. Виктор достал тетрадь и принялся все это отображать на чудесной страничке. Рисовал он очень быстро, но все-таки ему помешали нанести несколько последних штрихов. На него обратили внимание, кто-то не очень приветливо окликнул, неподалеку на дороге появился грозного вида мужик и решительно к нему направился. К мужику присоединился еще один. Объясняться с ними Виктор не собирался и, не реагируя на призывы остановиться и поговорить, быстренько завернул в ближайший проход между заборами и ретировался в лес, где его и впятером бы не догнали.

На памяти Виктора друг Никита всегда был непритворен к еде. Если и готовил первое – то либо щи, либо уху. На второе – жаренная на сале картошка или яичница – опять же на сале, огурцы и помидоры со своего огорода, квашеная капуста, маринованные грибы. В охотничий сезон, а у Никиты имелась двустволка, на столе появлялись утка, рябчик, заяц, ну а больше всего он любил лично пойманную рыбу – от карася и пескаря до леща и щуки. За городскими деликатесами никогда не гонялся, но, если Виктор привозил из Москвы колбасу или ветчину в банке, налегал на них в первую очередь. Виктор же, наоборот, обожал грибочки да ка-пусточку – с лучком и растительным маслом и, конечно же, жареную рыбу, запах которой почувствовал уже на крыльце Никитино дома.

– О, дружище! – обрадовался ему Никита. – А я как знал, что заявишься. Не в воскресенье, так в понедельник.

– Вчера попросили выйти поработать. – Виктор пожал крепкую руку друга. – За отгул, конечно. Я этот отгул к своим двум выходным присоединю, и можно будет вместе куда-нибудь далеко на рыбалочку махнуть, пока у тебя отпуск не закончился.

– Отлично! Говорят, на Рузском водохранилище щука на спиннинг пошла...

– Давненько там не был. – Виктор извлек из рюкзака бутылку водки. – Но самое интересное, буквально позавчера дочитал детективчик, в котором действие происходит как раз на Рузе.

Вслед за водкой на столе появились две бутылки пива, два плавленых сырка «Дружба», толстая консервная банка импортной ветчины и тонкая – кильки в томатном соусе.

– Дружище, да ты никак пировать собрался?! – Никита с любопытством уставился на банку ветчины.

– Открывай-открывай. – Виктор взял две пивные бутылки, открыл одну – пробка об пробку и приложился к горлышку. – У тебя опять маринованные еще не закончились?

– Разве не знаешь, какие у меня в подполе запасы! Счас притащу. А ты пока разливай...

Прежде чем открыть водку, Виктор, воспользовавшись ухватом, перенес с плиты на стол горячую сковороду, на которой красовались, пуще прежнего раздражая аппетит, два карася, залитые четырьмя куриными яйцами. Вскоре к открытым консервам добавились так любимые Виктором грибочки, огурчики и капуста.

– И в самом деле – пир! – расплылся он в улыбке, чокаясь с Никитой...

Когда бутылка опустела, сковородка оказалась выскоблена, а консервные банки пустыми, вспомнили про плавленые сырки.

– Мы их на рыбалку возьмем, – сказал Никита, доставая из гремящего холодильника бутылку самогона и показывая ее Виктору.

– И огураны, огураны обязательно прихвати! – отозвался тот.

– Обязательно.

Прежде чем идти на пруд, налили еще по одной – самогона.

– Ты, дружище, лучше вот на какой вопрос ответь, – медленно произнес Виктор, поднимая наполненную стопку. – Какого черта новоявленные буржуи стройку рядом с нашей деревней ведут?!

– Дружище, я же тебе в прошлый раз говорил. Председатель сельсовета общественную землю распродавал.

– Незаконно...

– Ну, как – незаконно. По документам не придерешься. А по совести в отношении своих односельчан слукавил он.

– То есть?

– То есть втихаря продал. Своим людям – и за копейки. А самый козырный участок вообще собственной дочери продал. Ну, как продал...

– Вот сволочь!

– Сволочь, – согласился Никита. – Давай выпьем.

– Подожди! А почему же народ не возмутился? Вот хотя бы лично ты! Все-таки мент, мог бы как-то воспротивиться.

– Во-первых, народ, конечно, возмутился. Даже писали куда-то, жаловались, но все бесполезно. Во-вторых, хоть я и мент, да только не подполковник или майор, а обычный сержант-постовой. Что я могу сделать? Ни-че-го! Давай выпьем.

– Подожди... Что? Действительно бороться смысла не имело?

– Хых! Председатель вместе с общественной землей и свой домишко продал и, не дожидаясь перевыборов, сменил место жительства. Может, на Москву, может, на Питер – никто не знает.

– Сволочь!

– Не спорю. Встретись он мне сейчас где-нибудь на тесной тропинке – ух! – Никита погрозил в потолок огромным кулачищем. – Выпьем?

* * *

К наболевшей теме Виктор вернулся, когда они пришли на пруд и забросили удочки. Пруд называли Пятачок – когда-то деревенские жители сообща выкопали его на ровном месте и запустили в него карася. Спустя какое-то время в Пятачке, откуда ни возьмись, появился ротан, причем в большом количестве. Рыбаки очень переживали, мол, сожрет всего карася пришелец с Дальнего Востока, которым даже кошки брезгуют. Переживали напрасно – и карась покрупнел, и ротан оказался очень даже вкусной рыбой.

Никита сказал, что для хорошего клева еще рановато, но в любом случае место ловли необходимо подкормить. Тут же намочил в воде два кусочка белого хлеба, поломал их, помял и подбросил к поплавам. Тем временем Виктор достал тетрадь со вложенной страницей и, когда Никита сполоснул и вытер руки, подsunул ее ему под нос.

– Узнаешь место?

– Ты, что ли, рисовал?

– Ну а кто же еще!

– Нет, не узнаю, – почесал подбородок Никита.

– И это неудивительно. Как теперь узнать ту самую просеку, на которой мы с тобой...

– Точно, просека! – Никита вырвал у друга страничку и ткнул ее пальцем. – А вот, кстати, коттедж дочери нашего председателя сельсовета. Скоро новоселье праздновать будет.

– Дай сюда. – Завладев страничкой, Виктор вложил ее обратно в тетрадь. – А вот скажи мне, дружище, почему никто из вас, деревенских, не решился еще в самом начале строительства спалить его к черту?!

– Ну, во-первых, это криминал, – развел руками Никита. – А если вместе со стройкой люди сгорят? Во-вторых, если погорельцы поджигателя поймают, то таких тумачков надают, что мало не покажется, а потом – тюрьма.

– Ну и кто, к примеру, тебя в этом лесу поймал бы?

– Да мало ли... – Устремив взгляд на поплавок, Никита потянулся к удочке, но, не дождавшись повторной поклевки, убрал руку. – Говорю, мало ли какие обстоятельства: вдруг там сторожа слишком бдительные, вдруг у них собаки обученные... А потом, ну, сгорят дом или два, а их там, на просеке, – сотня. Да и после на месте сгоревших новые построят. Так что...

– Значит, предлагаешь в покорных овец превратиться? – горько усмехнулся Виктор.

– Я предлагаю тебе за своим поплавком следить!

Поплавок на удочке Виктора медленно плыл, удаляясь от берега и постепенно притапливаясь. Затягивать с подсечкой рыбак не стал и после недолгого вываживания вытащил из воды серебристого карасика. Он умело снял с крючка первый трофей и опустил в металлический садок.

– Наливай! – скомандовал Никита.

Возражать Виктор не стал...

Чем больше в садке становилось рыбы, тем меньше оставалось самогона в бутылке, но друзья не замечали опьянения – слишком азартной вышла рыбалка. Караси попадались мерные, размером с мужскую ладонь, и довольно упитанные. Виктор планировал забрать домой десятка полтора рыбин, пожарить их, обваляв в муке и посыпав зеленым лучком, и штук шесть принести на работу – угостить напарника Михалыча и водителя, которому доведется катать тушинский маршрут.

Но тут после поимки очередного карасика Никита поторопился с забросом, его леска перехлестнула леску Виктора, у которого как раз клевало. В итоге вместо рыбы друзья вытащили вконец перепутанные снасти, и Никита, как виновник этого безобразия, принялся их распутывать. Тем временем Виктор разлил по стопочкам остатки спиртного и разрезал напополам последний огурец – сырки «Дружба» давно были съедены. Выпить решили только после того, как вновь забросят поплавки.

Пока Никита колдовал над узлами, Виктор достал карандаш и страничку с рисунком, для завершения которого оставалось сделать всего несколько штрихов и поставить свою подпись с последней точкой. Но что бы еще такого подрисовать на картинке? Вот просека, пересекающая хвойный лес, вот строящиеся на ней коттеджи, в небе – ни облачка. Неправильно это, пусть будут даже не облака, а тучи, причем грозовые... из которых бьют молнии. Бьют ни куда попало, а для начала в двухэтажный коттедж дочки председателя сельсовета, и в соседний пока что недостроенный дом, и в следующий, и в следующий... Каждый нарисованный коттедж – отдельная цель, словно Илья Пророк, считавшийся на Руси повелителем грома и молний, насылает свой гнев на владения новоявленных буржуев.

Гротескно, конечно, получилось, но этот рисунок Виктор никому показывать и не собирався, готов был в любой момент пройти по нему ластиком, не оставив на страничке следов...

– Все, распутал! – сообщил Никита и, насадив на крючок хлебный катыш, забросил снасть.

Виктор сделал то же самое, постаравшись, чтобы теперь их поплавки оказались подальше друг от друга – во избежание новых перехлестов. И у того и у другого клюнуло сразу же, и еще два карася перекочевали в садок.

– Предлагаю сначала выпить, потом забрасывать, а не то с таким клевом совсем протрезвеем, – сказал Никита, и Виктор вновь не стал с ним спорить.

Они подняли стопки, чтобы чокнуться, и в это время вечернюю тишину нарушил громкий раскат грома.

– Ого! – удивился Никита. – Вроде синоптики грозу не обещали.

– Твои синоптики – лжецы, лгуны, вруны и болтуны...

– И хохотуны. Ладно, пьем за карасей, которые еще водятся в этом пруду.

– И за уничтоженную буржуями просеку, – добавил Виктор.

Где-то неподалеку вновь гроыхнуло. Друзья выпили и, закусывая огурчиком, забросили удочки. Поклевки не заставили себя ждать. Но гром гремел все ближе и ближе, да и ветер усилился, и, чтобы не попасть под дождь, рыбаки поспешили домой.

– А я все думал, возвращаться в Москву сегодня или завтра утром, – сказал Виктор, разуваясь у Никиты на терраске.

– Во-первых, сам видишь, вот-вот ливанет – мало не покажется, во-вторых, чего тебе ехать на ночь глядя. – Никита не скрывал довольной улыбки, потому что другу придется остаться у него ночевать. – И в-третьих, алкоголь у меня есть, рыбка свежая есть, сейчас мы ее пожарим, музон послушаем, выпьем, в шахматки сыграем... А утром спокойно умотаешь в свою Москву.

Возражать Виктор не стал, да и не хотел.

– Дружище, а вот признайся, ты там, на пруду рисовал, как я снасти распутываю? – вдруг спросил Никита.

Он только что выставил на середину стола сковороду с жареными карасями. Домашние соленья на столе тоже присутствовали, черный хлеб – нарезан, самогон разлит по стопочкам.

– Вообще-то, конечно же, надо было эту сцену отобразить... – Виктор посмотрел на рюкзачок, в котором лежала тетрадь с чудесной страничкой. – Но мы сегодня о просеке говорили, о дачных участках, которыми ее застроили...

– Ну?

– Короче, лично я был бы совсем не против, чтобы со всеми этими участками произошло нечто подобное. – Он вытащил чудесную страничку и положил на стол. – Только руками не трогай, запачкаешь.

– М-да, – почесал затылок Никита. – Я понимаю, что ты по пьяни это нарисовал. Но скажу тебе, как другу, лично я тоже был бы не против такого исхода. Главное, чтобы огонь на лес не перекинулся...

– На лес? – Виктор перевел взгляд на рисунок и вздрогнул.

На самом деле он ожидал нечто подобного. Все картинки, нарисованные на страницах блокнота, как только Виктор хоть ненадолго закрывал глаза, начинали жить своей жизнью. Достаточно было моргнуть, и в картинке что-то менялось. Вот и на этой страничке произошли изменения.

Небо над просекой было сплошь затянуто черными тучами, сверкали молнии, а строящиеся коттеджи горели. Все до одного. Виктор моргнул.

– Дружище, мне показалось, что только что огня на картинке было меньше и тут же стало больше, – сказал Никита.

– Надо срочно выпить, – ответил Виктор, поспешно вкладывая страницу в тетрадь.

Когда пили, Виктору послышался вой пожарной sireны. Стукнув пустой стопочкой по столу, он прошел в комнату, где с магнитофонной ленты хрипел что-то там про караван Александр Кутиков, и увеличил звук почти до полной громкости...

Проснувшись, Виктор понял, что для сборов на последнюю перед дневным перерывом электричку у него совсем мало времени. Голова побаливала – шутка ли, выпить на двоих три бутылки. Хорошо хоть, закусывали, и хорошо, что все-таки выспались, хотя легли спать в половине третьего ночи – до этого играли в шахматы. От предложения Никиты попить чайку отказался и, попрощавшись, быстрым шагом направился на станцию. Несмотря на то что время поджимало, пошел не самым коротким путем, через просеку, а по шоссе до железнодорожного переезда и потом – по шпалам.

На электричку успел, хотя и пришлось пробежаться, чтобы запрыгнуть в последнюю дверь последнего вагона.

В вагоне было малоллюдно. Отдышавшись, Виктор достал из рюкзака тетрадь и только теперь сообразил, что забыл взять с собой карасиков, которых вчера специально упаковал в

пакет и оставил на полочке в подполе. Рыба, конечно, не пропадет, Никита обязательно о ней вспомнит, но вот похвастаться перед инкассаторами теперь будет нечем, могут и не поверить, что рыбалка оказалась такой удачной. Михалыч первый скажет, мол, соврешь – недорого возьмешь.

Картинка на чудесной страничке, как он и предполагал, изменилась. Никаких коттеджей, никакой стройки... Под абсолютно ясным небом – полоса пепелища, слева и справа от которой стоит не тронутый огнем хвойный лес.

До Виктора дошло, что грозовой ливень, приближение которого они вчера испугались с Никитой, обошел деревню стороной. Может, пролился как-то выборочно. Так же как выборочно били молнии в строящиеся коттеджи.

Виктор тщательно стер отображенное на страничке пепелище.

Потом стал прикидывать, что же теперь на ней нарисовать? К примеру, скопировать курносую девчущку в очках и с двумя топорщившимися косичками, сидевшую через два ряда сидений к нему лицом и читавшую книгу. Но не просто скопировать, а сначала нарисовать ее одежду, разбросанную по сиденьям, а потом уже и ее саму – без всякой одежды, но все-таки в очках и с книгой в руках. И после этого – ненадолго прикрыть глаза...

Виктор живо представил, как девушка, вдруг обнаружив себя в электричке в чем мать родила, испугается, завизжит, в панике постарается прикрыть наготу книгой, отбросит ее, схватится за одежду... Нет, жалко девчущку. Да и в вагоне они едут не вдвоем, а другие пассажиры без такого зрелища перебьются.

Но ведь ничто не помешает нарисовать эту же девушку в обстановке его собственной квартиры! Как она будет сидеть на раскладном диване в этих же очках, с этой же книгой в руках, в этом же веселеньком платице... а лучше – без платица...

Виктор не сводил с девушки глаз до тех пор, пока она не вышла из электрички на станции Одинцово. За это время она несколько раз отрывалась от книги, зыркала в его сторону и вновь углублялась в чтение. Напоследок, захлопнув книгу, не просто зыркнула, а сдвинула средним пальцем очки на кончик носа, пристально на него поглядела, как-то неопределенно хмыкнула и поспешила на выход.

Во время маршрута, а по вторникам Виктор Кармазов бегал сборщиком, собирая дневную выручку с торговых точек, он то и дело вспоминал девчонку из электрички. И вроде бы ничего особенного в ее внешности не было, подумаешь, две косички да курносенький нос, но воображение художника невольно дорисовывало большие глаза, длинные ресницы, ровные белоснежные зубки, ямочки на щеках, ну и, конечно же, сногшибательную фигуру.

В какой-то миг он вдруг осознал, что чудесную страницу, оставленную дома в тетрадке, надо беречь. Да что там беречь, ею надо дорожить. Возможно, вторая уцелевшая страничка все еще в руках Джона Маленького, но на это надежды мало. А что, если у Александра Ивановича, написавшего забойный детектив, имеется еще один блокнот с перовским рыболовом на обложке?! В таком случае было бы очень неплохо, чтобы писатель не знал о его чудесных свойствах и чтобы расстался с ним так же легко, как и с первым.

С Александром Ивановичем он не общался с пятницы, то есть с того самого дня, когда старший кассир передал ему рукопись и блокнот для рисования. Детектив Виктору понравился, ну а блокнот... Тому блокноту цены не было, а он так бездарно его профукал! Но, возможно, все поправимо?

На второй этаж продуктового магазина, в котором работал Александр Иванович, Виктор поднялся чуть ли не бегом. Сосед по дому, как всегда, выглядел слегка рассеянным, пока сдавал опломбированную сумку с деньгами, суетился, в глаза Виктору не смотрел.

– Прочитал я твою нетленку-то, Иваныч! – сообщил инкассатор, когда все формальности с приемом инкассаторской сумки закончились.

– Так быстро? – изумился Александр Иванович. – И как впечатление?

– Скажу честно – понравилось. Прикольный детектив-чик. Кровищи, конечно, много-много, но кому сейчас легко!

– Правда понравилось?

– Да, супер, супер! – Виктор показал кассиру большой палец. – Я половину твоего блокнота разными сценками украсил – так увлекло. Да вот беда...

– Что? – насторожился Александр Иванович. – Какая беда?

– Посеял я твой подарок. То ли в трамвае из сумки выронил, то ли еще где...

– Подарок? – Александр Иванович, казалось, не сразу понял, о чем речь. – А-а-а... мой блокнотик... Черт! Жаль! Обидно! Обидно, что твой труд пропал. А ты восстановить рисунки смог бы? К примеру, на обычной бумаге?

– Да без проблем! Просто блокнот всегда под рукой, и рисовать в нем удобнее. У тебя другого такого же нет?

– Что? Да при чем здесь блокнот? – не понял проблемы Александр Иванович. – Главное – изобразить живых людей, как они радуются, страдают, погибают...

– Согласен, согласен... И все-таки ты не помнишь, где тот блокнот приобрел?

– Черт его знает, – наморщил лоб Александр Иванович. – Может, на антресолях нашел – там много всякого барахла от нашего соседа по квартире осталось...

– А где сейчас тот сосед? – не унимался Виктор.

– Помер. В своей комнате помер. Он в ней один был прописан, а мы на очереди стояли, ну и получили комнату вдобавок к своей. Да зачем тебе все это знать?

– Незачем. Ты сам рассказываешь. Ладно, пойду я...

– Рисунки-то восстановишь? – крикнул вдогонку Александр Иванович.

– Обязательно, – обернулся на пороге Виктор.

– И на рыбалочку бы неплохо вместе сгонять.

– Мы с приятелем на днях на Рузское водохранилище собираемся. Хочешь – присоединяйся.

– Так это же, как и Истра, мои родные места!

В одном из магазинов Виктор купил песочный торт «Ленинградский» и две бутылки игристого вина «Салют». Чем вызвал немалое удивление у Михалыча, который не признавал напитков слабее сорокаградусных.

– Не стану же я на первом свидании девушку водкой угощать, – в свое оправдание сказал Виктор.

– Намекаешь, что после работы даже дозочку не махнешь? – насторожился старший маршрута.

– Михалыч, мы вчера с другом на двоих полтора литра усугубили. А печень беречь надо. Так что ты сегодня – без меня.

– В твои годы рано о печени думать, – проворчал Михалыч.

– Зато о бабах – в самый раз, – возразил Виктор и ушел инкассировать очередной магазин.

Михалыч, осознав, что вечером останется без собутельника, погрузился, но после того, как Виктор принес ему из аптеки пять пузырьков с настойкой боярышника, вновь взбодрился. А когда после сдачи денег и оружия прощался с напарником, заговорщически ему подмигнул:

– Давай там, не осрами знатный имидж московских инкассаторов.

– Постараюсь, – пообещал Виктор.

Дома осуществлять задуманное начинающий художник не торопился, сначала надо было все хорошенько взвесить. На чудесной странице, лежавшей на столе, Виктор рисовал уже два раза и затем стирал изменяющиеся картинки. Не потеряла ли страница своих свойств и долго ли будет их сохранять? Но у нее же есть еще и обратная сторона, пока что не испытывавшая воздействия карандаша. До поры до времени ее можно поберечь.

Обстановку своей комнаты Виктор отображал на бумаге не раз. Однажды по памяти зарисовал, как вместе с Никитой, Генкой и Низким расписывает за столом пулю. В другой раз – как сам, глядя в телевизор, сидит на диване с бутылкой пива в руках. Друзья картинки хвалили, говорили, что очень похоже...

Поразмыслив, Виктор нарисовал на чудесной страничке уголок комнаты с телевизором на тумбочке и диваном, на подлокотнике которого свернулась калачиком кошка. Поставив последнюю точку, на пару секунд закрыл глаза. А когда открыл, увидел кошку прямо перед собой – живую! Словно приготовившись вступить в схватку с собакой, она выгнула спину и зашипела, оскалив клыки, – вот-вот прыгнет.

Виктор провел ластиком по картинке, одним движением стерев кошку и часть дивана. Из комнаты кошка тоже мгновенно исчезла. Машинально Виктор восстановил карандашом на картинке исчезнувшую часть дивана. И сразу стал рисовать на нем девушку из электрички – тот самый момент, когда она смотрит на него поверх очков, сдвинутых на кончик курносого носика. При этом, задействовав воображение, рисовал ее без одежды, но в очках и с книгой в руках. Картинка вышла очень даже эротичной. А как получится вживую?

Он прикрыл глаза и тут же, вздрогнув от пронзительного визга, уронил карандаш. Перед ним на диване сидела голая девушка, прикрывшая лицо книгой. Книга тут же переместилась ниже, пряча грудь, и Виктор встретился взглядом с той самой девушкой, вышедшей на станции Одинцово. Она уставилась на него, открыв рот, не веря своим глазам.

– Привет, – прохрипел он.

– А-а-а! – заорала девушка. Швырнула в него книгу, спрыгнула с дивана и метнулась в коридор к входной двери...

Открыть дверь у нее не получилось – Виктор стер ластиком картинку, отображавшую, как он успел заметить, все действия нарисованного им персонажа. Обворожительная в своей наготе девушка в круглых очках и с двумя топорщившимися косичками исчезла, словно ее здесь и не было. Только книга осталась валяться на полу – «Барнеби Радж» Чарльза Диккенса.

Надо же, это была одна из немногих книг, которые Виктор прочитал, служа на границе. Ему понравился язык Диккенса, а вот сюжет как-то не запомнился, ярче всех других в памяти отложился ворон Грип, проживший много-много лет и чуть ли не до смерти напугавший отрицательного героя криком: «Полли, подай чайник, мы все будем пить чай!»

Отложив книгу, Виктор взялся за карандаш и восстановил на чудесной странице уголок своей комнаты с раскладным диваном и тумбочкой с телевизором, наверху которого теперь сидел черный ворон. Последнюю точку – на кончике клюва ворона, ставить не стал. Для начала нарисовал все ту же девушку, сидящую на диване, только теперь без книги, одетую в цветастое платье, и так же не поставил последнюю точку на ее курносом носике. Рисовал Виктор быстро, но торопиться не любил.

Для начала выставил на стол два фужера, бутылку «Салюта» и торт «Ленинградский». Торт освободил от упаковки и порезал на небольшие ровные прямоугольники. Сорвал фольгу с белой пластмассовой пробки на бутылке. В коридоре запер входную дверь на ключ и повесил его на гвоздик под вешалкой. Затем умылся в ванной комнате, почистил зубы, причесался.

Все это время чудесная страничка лежала на столе, и картинка на ней ничуть не изменилась. Виктор пририсовал еще две точки: одну – на клюв ворона по прозвищу Грип, другую – на кончик носа девушки, имя которой до сих пор не знал, затем поставил внизу странички автограф. После чего закрыл глаза и открыл, услышав корявое: «Полли, подай чайник!»

На поверхности телевизора ворон с раскрытым клювом взмахивал иссиня-черными крыльями. На диване сидела девушка – с двумя топорщившимися косичками.

– Привет! – не дал ей опомниться художник. – Меня зовут Виктор. А тебя?

– Лил-ля, – слегка заикаясь, ответила девушка.

– Лиля? – улыбнулся Виктор. – Лилечка?

– Да, – кивнула девушка.

– Мы все будем пить чай! – напомнил о себе ворон.

– Что это? – удивилась Лиля, посмотрев на птицу.

– Не обращай внимания.

– Где я?!

– Для начала ответь себе на вопрос, кто ты? – Виктор крепко сжимал занесенный над страничкой ластик.

Словно спохватившись, девушка торопливо себя ощупала – кажется, все было на месте, только книга лежала на столе.

– Я хочу проснуться. – Она крепко зажмурилась.

– Полли, подай чайн... – Движение ластиком по страничке, и Грип исчез и на рисунке, и в комнате.

Лиля открыла глаза, огляделась и, не обнаружив ворона, уставилась на Виктора.

– Проснулась? – усмехнулся он.

– Н-не знаю...

– Вино с тортом будешь?

– Буду! – тряхнула косичками Лиля.

Он занялся пробкой, а она вновь стала ощупывать себя, больше всего уделяя внимание груди.

– Я была у себя дома, в своей комнате, собиралась лечь спать в свою кровать и вдруг оказалась абсолютно голой в каком-то незнакомом месте... – сказала она, глядя, как Виктор разливает по фужерам шипучий напиток. – То есть мне приснилось, как я оказалась вот тут и увидела тебя. Потом проснулась у себя дома, и вот я опять здесь.

– Иногда, Лилечка, сны могут быть очень приятными, согласись. – Виктор протянул ей фужер и придвинул по столу коробку с тортом. – Иногда так не хочется просыпаться...

Лиля взяла фужер, они чокнулись и, не отрывая друг от друга глаз, выпили.

– Я вот, например, в снах часто летаю. Или прыгну, и прыжок такой длинный-предлинный получается, а если захочу – выше поднимусь, сделаю поворот, зависну на одном месте. И все это достигается простым усилием мысли.

– Мне сны редко снятся. – Лиля взяла кусочек торта и осторожно откусила совсем немного.

– Тебе не нравится «Ленинградский»?

– Я больше «Прагу» люблю...

– В следующий раз будет тебе «Прага». В смысле – приснится. – Виктор вновь наполнил фужеры. – Что предпочитаешь из напитков?

– А ведь мы с тобой сегодня в одной электричке ехали. – Лиля откусила кусочек торта побольше и, прожевав, запила вином. Виктор сделал то же самое. – И ты всю дорогу на меня пялился, но так и не подошел, ничего не сказал.

– А ты хотела, чтобы я подошел? – удивился Виктор.

– Может, и хотела... – Девушка приложила к фужеру.

– Знаешь, я недавно читал фантастический рассказ. Не помню автора, но суть в том, что у парня появился дар читать чужие мысли. И вот едет он типа в автобусе, смотрит на красивую девушку, а у нее в мыслях, мол, что же ты такой нерешительный, мол, давно бы подошел и познакомился. Он к ней подходит, что-то говорит, а она на него чуть ли не в крик, мол, как вы смеете, нахал! Он, конечно, заткнулся и тут же читает ее мысли, мол, какая же я дура, ни за что обидела хорошего парня... Он – снова к ней. А она – все ту же песню, мол, пошел вон! Парень вновь ретировался и вновь мысли ее читает, в которых она сама себя клянет за грубость и сама же себе обещает, что если он еще раз к ней обратится, то для начала обязательно ему улыбнется. – Виктор тоже осушил свой фужер, поставил его на стол и взялся за торт.

– Как думаешь, чем рассказ закончился?

– Ну, думаю, если он подойдет к ней и в третий раз... она или вообще его матюгами покроет, или по морде даст, чтобы отвязался.

– Угадала. Ничего хорошего дар угадывать мысли тому парню не принес.

– Нормальный рассказ, вполне такой реалистичный. – Лиля нахмурилась и вновь потрогала свои груди.

– Что, во сне увеличились? – улыбнулся Виктор, и девушка мгновенно покраснела. – Ты так торопишься проснуться?

– Не знаю...

– Но сон-то хороший?

– Никогда таких не видела. Словно и не сон это вовсе...

– А давай проверим?

– Ущипнем друг друга?

– Щипаться чуть позже будем. А сейчас присядь-ка ко мне на колени. Тебе же в мыслях этого хочется, признайся.

– Хочется. – Лиля встала с дивана, сняла очки и положила их на томик Диккенса. – Если честно, то мне и в электричке этого хотелось.

Она села к нему на колени, и Виктор тут же, обхватив ее за талию, прижал к себе. Сопро-тивления не было, девушка сама слегка дотронулась до его щеки, потянулась губами к его губам...

Ничего подобного Виктор в жизни не испытывал. Раньше у него, конечно, были жен-щины, пусть и не так много, как хотелось бы. Если говорить о количестве, то, со слов Никиты, друг превосходил его в этом показателе на порядок. В связи с этим Виктор не то чтобы страдал, но завидовал ему белой завистью. Зато теперь, после двух часов кувыркания с Лилечкой на так и не разобранный диване, Виктор больше не завидовал никому.

Она кричала, наслаждаясь его ласками, она расцарапала ему ногтями спину, она укусила его за палец, за щеку, до крови прокусила губу, оставила следы от засосов на шее, плечах, груди... Она, что называется, дорвалась. А когда в изнеможении уснула, Виктор нашел силы дотянуться до чудесной страницы и стереть нарисованную и постоянно изменяющуюся кар-тинку. Оставшись в комнате в одиночестве, мгновенно отрубился.

Разбудил его настойчивый звонок в дверь. Виктор выспался, голова не болела, но состо-яние было такое, словно он всю ночь вагон с картошкой разгружал. На пороге стоял Никита с дипломатом в руке.

– Дружище! – обрадовался Виктор. – Разувайся и проходи, завтракать будем.

Пока Никита снимал ботинки, Виктор метнулся в комнату, чтобы хоть немного при-браться, но в первую очередь – спрятать чудесную страницу. Ей нашлось место в верхнем ящике письменного стола. Собственно, особого беспорядка не было: кое-какие разбросанные там и сям вещи, на столе – две пустые бутылки из-под шипучего вина «Салют», остатки песоч-ного торта «Ленинградский» да томик Диккенса, поверх которого лежали очки с большими овальными линзами.

– Ого! – изумился, вошедший в комнату Никита. – Кто это тебе так спину разукрасил? О-го-го! – изумился он еще больше, увидев последствия укусов и засосов. – Смотрю, над тобой знатно поизгалялись?!

– Дружище, да большего кайфа у меня никогда в жизни не было! Такая девчонка, такая... просто слов нет.

– Это ее очки-то?

– Ее. Да ей вчера не до очков было... Никита, ты как сам-то? А я вчера карасей у тебя забыл забрать. Надеюсь, ты их прихватил?

– Я другое прихватил. – Никита положил дипломат на стол и щелкнул замками. – Вот! Джентльменский набор.

Взору Виктора предстали бутылка водки, две бутылки пива, три огурца, бережно завернутые в целлофан, полукольцо колбасы «Одесская» и четвертинка черного. Весь «джентльменский набор» тут же перекочевал на стол.

– Дружище, мне сегодня на вечернюю смену выходить, – вздохнул Виктор.

– Никто тебя пить и не заставляет. – Никита откупорил бутылку. – Фужеры чистые?

– Вот из этого я пил.

– Понятно. – Никита наполовину наполнил водкой подставленный Виктором фужер. – В таком случае, может, пивка?

– Пивка – в самый раз!

Виктор всегда любил одесскую колбасу с черным хлебом, и, пока Никита, закусывая, хрустел огурцом, сделал три бутерброда: один – себе, два – гостю.

– Ты не поверишь, – сказал Никита, вновь наливая водку. – Позавчера, в то самое время, когда мы с тобой самого глушили, слушали музыку и в шахматы играли, дачный кооператив на просеке выгорел к чертовой матери.

– В плане?

– Сгорели коттеджи. Все до единого. Дотла!

– Сгорели?! – округлил глаза Виктор. – погоди, ты серьезно?

– Куда уж серьезней. – Никита шумно выдохнул и выпил. Откусив добрую половину бутерброда, сказал, жуя: – Не успел ты к себе в Москву умотать, ко мне участковый из Поречья заявился, попросил сопроводить к месту происшествия. Я хоть и в отпуске, отказывать коллеге не стал. Пришли к месту происшествия, а там – конкретное пепелище, ни заборов деревянных, ни домов, одни лишь фундаменты обугленные. Что самое интересное – и справа, и слева от просеки лес огнем абсолютно не тронутый стоит...

– Поверить не могу!

– Можешь съездить и лично убедиться.

– Отчего сгорели?

– Пока имеются две версии. Во-первых, поджог. Но это сколько же поджигателей надо задействовать, чтобы на всей просеке дома подпалить! Во-вторых, удар молнии, то есть молний... Что тоже как-то мало в голове укладывается. Нет, молнии-то вечером над просекой сверкали, да мы с тобой и сами на пруду раскаты грома слышали и, чтобы под дождем не промокнуть, домой убежали. Однако дождь так и не пошел, а со слов двух сторожей, небо над ними вдруг резко почернело, загромыхало, и из появившихся туч стали бить молнии прямо в строящиеся коттеджи. Причем бить почти одновременно. Якобы только что ничего беду не предвещало, а через пару минут уже все коттеджи полыхают ярким пламенем.

– И как сторожа?

– Даже и не пытались пожар тушить, испугались, удрали в лес. Согласно третьей версии, они самые поджигатели и есть. Сейчас с ними грамотные люди беседу ведут.

– А могло бы быть и так, что на земле сторожа постарались, а на небе – молнии? – сказал Виктор.

– Могло, хотя тоже маловероятно. Но самую невероятную версию я выскажу только тебе. – Никита осушил фужер и, подмигнув Виктору, сказал: – Получается, это ты накаркал, дружище. Напророчил, так сказать.

– В плане – сбылось мое огромное желание, чтобы постройки этих буржуинов какой-нибудь хороший человек спалил до основания?

– Такое большое желание, что ты его даже на бумаге отобразил. Мне тогда даже показалось, что нарисованные дома и вправду горят.

– Точно! – У Виктора загорелись глаза. – Плесни-ка и мне водочки!

Никита взялся за бутылку, а Виктор схватил карандаш и на странице формата А4 быстро и привычно нарисовал собственный неразобранный диван, на котором сейчас сидел Никита. Но вместо гостя изобразил Лилечку – в платье, очках и с книгой в руках.

– Судя по очкам, это твоя вчерашняя садистка, – пришел к заключению следивший за его манипуляциями Никита.

– Она самая! Я чего подумал – если нарисованные мною коттеджи вдруг сгорели, как я того очень хотел, то эта девчонка, по моему огромному желанию, должна сейчас же остаться без платья и вообще безо всего.

– Где? – не понял Никита.

– Ну, на рисунке. Ты же сам говорил, что показалось, как нарисованные мною дома и вправду горят.

– Кстати, а где тот рисунок? – Никита не отрывал глаз от рисунка, на котором сидела на диване девушка, словно и впрямь ожидал, что она вот-вот окажется без платья.

Виктор, теребивший в пальцах карандаш, казалось, ждал того же самого.

– Так, где рисунок-то? – нарушил молчание Никита.

– Чего? А-а, тот рисунок? Я его вместо туалетной бумаги использовал.

– Жаль.

– Да! Жаль, что девушка так и не разделась. Выходит, не все мои пророчества сбываются, дружище...

– Чего? – Теперь изумился Никита. – А-а-а... Ну да. А где ты эту кралю подцепил? – кивнул он на рисунок.

– В электричке познакомились. Она, считай, почти твоя землячка – в Одинцове живет.

Чтобы лишний раз не попадаться на глаза начальству, Виктор, слегка подвыпивший, приехал в отделение банка впритык до отбытия на маршрут. Как оказалось, в банке до него никому не было дела. Инкассаторы и водители толпились перед висевшей на стене фотографией в траурной рамке, с которой гордо взирал куда-то ввысь товарищ Козлов – точно такая же фотография висела и на доске почета. Особых ахов-вздохов не звучало, большей частью задавались вопросы – когда, где да отчего...

– Я слышал, – наконец сообщил стоящий в первом ряду водитель по прозвищу Судак, – дома он скончался, от удушья. Соседка к нему сегодня утром в комнату заглянула, а он – того. Товарищ Козлов всю жизнь бобылем прожил...

– Естественно, – сказали из толпы, – кто ж с таким, извините, товарищем жить бы стал?

– Соседка рассказала, – продолжил Судак, – что в воскресенье старик вернулся после работы домой какой-то удрученный, и что странно – с пустым портфелем...

– Надо же, – вновь сказал кто-то, – обычно по воскресеньям толстенный был портфель у нашего Каз... – Говоривший замолк, кажется, кто-то ткнул его локтем в бок. – В общем, как сказали врачи, ночью в воскресенье он и преставился.

– Товарищи, а не пора ли вам по маршрутам разъезжаться?! – подал голос дежурный, и тройки экипажей со стопками пустых инкассаторских сумок поспешили покинуть здание банка, рассестись по машинам и разъехаться по разным районам Москвы: от аэровокзала – до Мневников и Шелепихи, от Кутузовского проспекта – до Филей, от Сокола – до окраин Тушина...

Водитель на тушинский маршрут попался незнакомый и молчаливый. Зато машину водил хорошо: Михалыч, бегавший сборщиком, едва успевал объяснять, где надо поворачивать, где пересечь сплошную, выехать на тротуар, а где остановиться напротив очередной точки.

Виктор с водителем не заговаривал – слишком многое надо было обдумать. До прошлой пятницы жизнь его текла своим чередом. Он имел нормальную работу, благодаря которой во времена глобального дефицита не знал проблем ни с продуктами, ни со шмотками; собирался

поступить в полиграфический институт и был уверен, что поступит с первого раза – слишком уж ему нравились собственные рисунки; впереди была интересная, многообещающая жизнь... И тут в руки ему попал чудесный блокнот, перевернувший все с ног на голову.

Жизнь стала не просто интересной, она стала невероятной, словно Виктор попал в длинный-предлинный сон, очень яркий и эмоциональный сон, из которого не хотелось возвращаться в реальность. Сидя в машине, передавая сборщику порожние сумки и принимая сумки, набитые деньгами, он то и дело возвращался мыслями к Лилечке. Для нее пребывание у него в гостях тоже должно было быть сном. Хотя какой сон – если у него на шее красовались засосы, а следы его страстных поцелуев не могли не украшать ее прекрасное тело. Ее очки и книга остались у него дома. Или это были всего лишь дубликаты? Надо бы каким-то образом проверить. Как? Вернувшись домой, вновь нарисовать ее, сидящую на диване? Почему бы и нет?

С другой стороны, его эксперименты могли выйти боком. При первом воплощении в его квартире Лилечка повела себя, словно истеричка. И это неудивительно – кому понравится ни с того ни с сего оказаться в незнакомом месте, перед незнакомым мужчиной, да еще и обнаженной. При втором воплощении она повела себя именно так, как хотелось художнику. Возможно, рисуя, надо очень ярко представлять, чего именно ты хочешь...

Эх, если бы дело касалось одной лишь Лилечки из подмосковного Одинцова! Он нарисовал, как под ударами молнии горят коттеджи дачного кооператива, и они на самом деле выгорели дотла. Он нарисовал, как в петле болтается товарищ Козлов, и старик... Стоп! Тот рисунок Виктор стер, и товарищу Козлову сразу полегчало. Почему же ночью он умер от удушья?

Да, с чудесной страничкой необходимо быть очень аккуратным, очень!

– Пойдем помянем покойничка, – предложил напарнику Михалыч после окончания работы. Молчаливый водитель укатил в гараж, и сборщик повел Виктора во двор соседнего со зданием банка сталинского дома. Там почти совсем не был слышен шум Ленинградского проспекта, зато имелись скамеечки, одну из которых уже облюбовали четыре или пять инкассаторов. Виктор с Михалычем присоединились к коллегам, выложили на лавочку скромную закуску, открыли бутылку.

В этом дворе инкассаторы никогда не шумели, задерживались ненадолго, пустую посуду за собой не оставляли, не мусорили, и жильцы относились к работникам опасной профессии понимающе – не скандалили и милицию, чтобы разобраться с пьянчужками, не вызывали. Впрочем, если бы даже милиция и приехала, то уж кого-кого, а инкассаторов, даже вдрызг пьяных, забирать в отделение никто бы не стал – зачем портить отношения с полезными людьми.

Теперь вообще выпили молча и не чокаясь. Козлова никто из присутствующих не любил, но все-таки – коллега.

– Витек, а ведь ты последний с товарищем Козловым маршрут катал, – чуть погодя сказал рослый парень по прозвищу Боярин. – Может, объяснишь, нам, боярам, почему он с пустым портфелем домой пришел? Ведь не ограбили же его по дороге – до дома от банка всего метров триста!

– Мы с Джоном Маленьким сами ничего не поняли, – пожал плечами Виктор. – Джон Маленький поначалу все его подкалывал, мол, не задушит ли жаба забирать всю халяву из магазинов только себе? Ну а Козлов огрызался, огрызался, но портфель все наполнял и наполнял...

Виктор замолчал, уставившись на бутылку в руках Михалыча. Тот все понял, разлил оставшуюся водку по подставленным стаканчикам.

– Не томи, боярин! Дальше-то что было?

– Дальше товарищу Козлову вдруг как-то резко попло-шало и так же резко отпустило. Мы ему с Джоном Маленьким, мол, давай в больницу. Но тот – ни в какую. А потом открыл свой портфель и стал все из него доставать и нам отдавать.

– Ни себе фига! – удивился Боярин, а вместе с ним Михалыч и все остальные. – Чтобы Козлов с кем-то поделился?!

– Мы сами охалпели, – продолжил рассказ Виктор. – А сборщик открыл бутылку, выпил ровно дозу и оставшееся нам с Джоном Маленьким отдал. После чего говорит, побегай, мол, Витек за меня остаток маршрута, мол, все чаевые – твои. Мол, не говорите потом, что я куркуль и меня жаба душит...

– Вот это да! – присвистнул кто-то. – Надо же, как человек перед смертью изменился.

– И чего дальше было? – не отставал Боярин.

– Дальше? – Виктор шмыгнул носом.

Понятливый Боярин тут же извлек откуда-то очередную бутылку.

– Поник он как-то, домой шел, еле ноги переставлял. Может, предчувствовал? – Теперь уже Виктор обратился к слушавшим его коллегам.

– Да, предчувствие – это такая вещь, – покачал головой Михалыч, и все тоже понимающе покачали головой. – Разливай, Боярин, по крайней, да пора по домам...

Проснувшись на следующий день ближе к обеду, Виктор первым делом полез в письменный стол, выдвинул верхний ящик – беспорядок наблюдался, чудесная страница – нет. Не оказалось ее и в среднем, и в нижнем ящиках. Он еще раз проверил все ящики. Куда подевалась? Не мог же ее стащить Никита? Скорее всего, вчера ночью сам по пьяни куда-то ее переложил. Куда? Как говорила его бабушка: «Подальше положишь, поближе возьмешь». Все верно, но при условии, если куда-то что-то прятать на трезвую голову.

Начиная паниковать, Виктор побежал на кухню, сунулся в мусорное ведро – нет, заглянул в совмещенный санузел, помнится, он соврал Никите, что использовал страницу как туалетную бумагу. А вдруг вчера, придя домой, он и в самом деле... Нет, нет! Виктор вернулся в комнату и остановился напротив гардероба с установленной наверху книжной полкой. Он с детства любил книги, но в Москве что-то, по-настоящему стоящее, всегда было дефицитом, хорошо хоть, иногда выручала библиотека, в которую он, благодаря бабушке, записался еще дошкольником...

Вернувшись из армии и устроившись в инкассацию, он решил заиметь в домашней библиотеке хотя бы сотню хороших книг. Благо появилась возможность доставать дефицит без переплаты. К примеру, один из вечерних маршрутов инкассировал Литфонд, и там Виктору повезло приобрести очень модную книгу Владимира Орлова «Альтист Данилов». Другой маршрут обслуживал «Союзпечать», с которой была договоренность, чтобы инкассаторам оставляли журнал «Искатель» – он выходил один раз в два месяца, и достать его человеку без блата и переплаты было почти невозможно...

...В армии Виктор спасался от скуки чтением книг. Большую часть службы – двух лет, двух месяцев и десяти дней – он прослужил на линейной заставе, на финской границе – сержантом. Это звание подразумевало периодическое дежурство по заставе, другими словами, сержант заступал на службу с шести утра до шести вечера либо – с вечера до утра. И если двенадцать часов в дневное время приходилось крутиться и почти постоянно быть под наблюдением начальства, то ночью времени, ничем конкретным не занятого, было навалом, и Виктор, чтобы не уснуть за приборами сигнализации о нарушении государственной границы, либо рисовал, либо читал. А что читать, если на заставе имелось всего два десятка книг, из которых более-менее интересные давно были прочитаны, а другие даже брать в руки не хотелось!

Но однажды Виктору довелось побывать в офицерском доме – в квартире начальника заставы, и там, к своему восторгу, он увидел целый шкаф, снизу доверху забитый книгами. Честно попросить старшего лейтенанта дать что-нибудь почитать он постеснялся. Зато набрался наглости и как-то ночью, когда начальник укатил с тревожной группой по тревоге, заскочил к нему в дом и утащил первую попавшуюся под руку книгу, которой оказался «Черный тюльпан» Александра Дюма. Книга была интересной, но тонкой, той же ночью он ее про-

читал и, когда начальник вновь уехал с тревожной группой, сержант вернул ее на место, не забыв прихватить томик другого классика – Майн Рида. Эта книга в оранжевом переплете была из шеститомного собрания сочинений и содержала два романа – «Белый вождь» и «Квартеронка».

В предвкушении, что во время следующей смены будет что почитать, Виктор бережно обернул книжечку в белую бумагу, написал на обложке «Н. Г. Чернышевский. ЧТО ДЕЛАТЬ?» и убрал в свою тумбочку. На заставе никогда не пропадали ценности – часы, деньги могли лежать в той же тумбочке сколько угодно, но конфеты и другие сладости оставлять было нельзя. Так же как и книги, – читать любил не только Виктор. Но он никак не мог подумать, что кто-то из сослуживцев позарится на Чернышевского, которого все не любили еще со школы! Однако хитрость не удалась, и в тот же день книга из тумбочки исчезла.

Это было полбеда – рано или поздно книга либо вновь появилась бы в тумбочке, либо Виктор заметил бы ее у кого-нибудь из пограничников и отобрал. Все оказалось гораздо хуже. Уже на следующий день начальник заставы вызвал его в канцелярию, и там, на столе Виктор увидел обернутого в белую бумагу «Чернышевского». Оказалось, что книгу вытащил из тумбочки водитель уазика, а старший лейтенант, поехав с ним куда-то, вдруг обнаружил в бардачке машины свою собственность. Виктор едва со стыда не сгорел, оправдываясь, что взял книгу только на время, почитать, а потом обязательно бы вернул ее на место. Начальник оказался нормальным мужиком, сержанта простил и даже разрешил книгу дочитать. После того случая Виктор в его дом не навещался, а попросить почитать еще чего-нибудь стеснялся.

И вот сейчас он смотрел на свою пока что единственную книжную полку, в которой среди детективов и фантастики стоял и томик Чернышевского, до сих пор не сданный в макулатуру. Виктор абсолютно не помнил, трогал вчера книгу или нет, но куда еще он мог бы засунуть по пьяни чудесную страничку – только во «Что делать?».

В дверь позвонили. Недоумевая, кто бы это мог быть, Виктор пошел открывать и увидел на пороге Джона Маленького.

– Все, кремировали, – доложил Джон Маленький, пожимая Виктору руку.

Тот уставился на водителя суточной машины, ничего не понимая.

– С кладбища я, – пояснил Джон Маленький. – Говорю, кремировали нашего с тобой воскресного напарника. Оказалось, не было у товарища Козлова ни родных, ни друзей, ни места на кладбище...

– Ну, хоть коллеги помянули, – развел руками Виктор. – Пойдем на кухню. Может, перекусишь чего?

– Пойдем, – принял предложение водитель, не преминув, однако, сунуть нос в комнату. После чего Виктор сразу догадался, что заехал к нему Джон Маленький не просто так.

– На сутки заступил? – спросил он.

– Как обычно...

В холодильнике нашелся кусок колбасы, которую Виктор накануне не осилил с Никитой. Он порезал ее тонкими дольками на сковороду, и, после того как дольки немного пошипели, перевернул их и залил пятью яйцами – больше не было. В морозилке обнаружился кусочек сала, который хозяин квартиры тоже порезал ломтиками и выложил на блюде. Кроме того, Виктор поставил на газовую плиту чайник, а к чаю достал из настенной полки пачку печенья «Юбилейное», потом вспомнил про остаток торта и тоже выставил его на стол.

– Шикуюшь, Карма, – прокомментировал Джон, берясь за вилку.

Яичницу они смели словно оголодавшие – ни одной ма-ло-мальской крошечки на сковородке не оставили. И сало с бородинским хлебом хорошо пошло, хоть им и не закусывали алкоголь. Принялись за чай. По возвращении из армии Виктор ценил нормальный чай вдвойне. На заставе этот напиток чаем назвать было сложно – так, чуть подкрашенная водичка. Хорошо хоть, время от времени повар вместе с чаем заваривал чагу – что-то типа коры, вернее, нароста

на березе, который придавал напитку темно-коричневый цвет и особый привкус – говорили, что эта самая чага очень полезна для организма, чуть ли не от рака вылечивает.

Работая в инкассации, Виктор пристрастился к чаю индийскому – со слоником на этикетке. Такой чай простым советским труженикам доставался разве что в праздничных наборах, праздников же – по пальцам одной руки пересчитать. Но у инкассаторов была своя лафа, и с чаем со слоником на этикетке они проблем никогда не знали.

Заварочным чайником Виктор не пользовался, всегда сыпал в кружку – в зависимости от ее объема – одну, полторы либо две чайные ложки заварки. После этого заливал кипятком и только затем добавлял в кружку сахарный песок или сахар кусковой – главное, чтобы было сладко. И не важно – подавался ли к чаю бутерброд с сыром или, к примеру, сладчайшее пирожное эклер.

Джон Маленький, которому Виктор насыпал в кружку пять чайных ложек сахарного песка и придвинул торт, слегка удивился такому проявлению сладколюбия приятеля, но ни от чего отказываться не стал – чай выпил и кусочек торта съел с видимым удовольствием. И только после этого, вдруг посерьезнев, сунул руку за пазуху и достал помятый листок. Виктор сразу догадался, что это.

– Я же ведь не просто так к тебе заехал, – понизив голос, сказал Джон Маленький. – Я же ведь сразу понял, что-то в этой истории нечисто!

Он впился Виктору в глаза, но тот, держа в одной руке кружку с недопитым чаем, а в другой – надкусанный кусок торта, смотрел на него с ничего не выражающим лицом, можно сказать, смотрел тупо. Этот «отупелый» взгляд Виктор выработал опять же, служа на заставе, когда приезжающий время от времени из пограничного отряда особист расспрашивал его о службе и сослуживцах.

– Ну, и что ты скажешь? – Джон Маленький расправил листок на столе и ткнул в него пальцем.

Не торопясь отвечать, Виктор запихнул в рот кусочек торта и скосил глаза на чудесную страничку. Картинка на ней была абсолютно безобидной – обычное крыльцо с четырьмя деревянными ступеньками и козырьком, к балке которого был привязан обрывок веревки.

– Что молчишь? – не вытерпел Джон.

– Жую, – выдавил из себя Виктор, едва не поперхнувшись.

– Ну да, ну да! – Джон хлопнул ладонью по столу. – Жует он!

– Чего орешь-то? – спросил Виктор, наконец запив суховатый торт чайком.

– Карма, а ведь я тебя узнал тогда ночью, в воскресенье! – еще больше повысил голос водитель. – Когда ты шел к магазину, напротив которого сам же этот листочек выбросил!

– Если узнал, чего ж не остановился, не прихватил? – усмехнулся Виктор. – Или какой свой интерес имел?

– Интерес? Да, заинтересовало меня, с какого это перепуга наш товарищ Козлов вдруг не по-козловски себя повел? Но и ты весь маршрут был каким-то странным, все чего-то рисовал в своем блокноте и почему-то странички из этого блокнота вырывал и в окошко выбрасывал.

– И чего? – У Виктора вдруг возникло жгучее желание схватить со стола чайник с еще не остывшей водой и треснуть этим чайником Джона Маленького по балде.

– Чего – чего? – Водитель подмигнул хозяину квартиры и аккуратно взял из коробки еще один кусочек торта. – Заинтриговал ты меня – вот чего. И не напрасно заинтриговал-то. Подобрал я листок, который ты выбросил, а на нем никакого рисунка-то и нет. Но я же не дурак. Приехал домой, на этот листочек накрошил мелко грифель от простого карандаша, крошечки аккуратно растер, и рисунок восстановился. А на нем, вот на этом самом крыльце и на этой самой веревке, – Джон ткнул пальцев в страничку, – висит человек – очень похожий на товарища Козлова... А? Что скажешь, Карма?

– Не вижу никакого человека. – Виктор протянул руку к страничке, но Джон прижал ее ладонью к столу.

– В том-то и дело, что, когда я проснулся и еще раз на рисунок посмотрел, никто в петле уже не болтался и веревка оказалась перерезанной. Как такое может быть?

– Так ты, наверное, сам взял ластик и этого повешенного стер, – пожал плечами Виктор.

– А вот и ни фиги!

– Что – ни фиги? Водочку-то, оставленную товарищем Козловым, перед сном выпил? Вот и не запомнил, что по пьяни делал.

– У меня дома и ластика-то нет! – закричал Джон. – Чем я мог стереть?

– Да чего ты ко мне привязался? – тоже вспылил Виктор. – Ему что-то там мерещится, а я здесь при чем?

– Вот это крыльцо и повешенного ты рисовал?

– Я.

– А зачем? Зачем ты повешенного товарища Козлова нарисовал?

– Джон, ну при чем здесь товарищ Козлов?! Мне один знакомый писатель дал прочитать свою рукопись – детектив с названием «Криминальная рыбалка» – и попросил отобразить, как я все это вижу. А в том детективе насилие сплошь и рядом, кровища рекой льется. Среди прочего – одного чувака повесили. Вот я этот эпизод и отобразил, как вижу.

– И кого же ты еще отобразил? – не унимался Джон Маленький. – Я тогда попросил тебя рисунки показать, а ты – ни в какую!

– Кого по сюжету надо было, того и отобразил. – Виктор нахмурился. – Хочешь, и тебя нарисую?

Он вновь потянулся к листку, но Джон суетливо убрал его во внутренний карман своей потертой замшевой куртки.

– Не надо! А вдруг тогда со мной тоже что-нибудь произойдет?

– Мнительный ты, Джон, – усмехнулся Виктор. – До работы меня подкинешь?

Водитель посмотрел на часы:

– Вообще-то рановато на работу...

– Подхалтурить хочешь? Так я тебе не помешаю.

– Ладно, давай, собирайся быстрее, а я – машину заводить.

Не успела за Джоном захлопнуться дверь, как Виктор бросился к книжной полке и выхватил томик Чернышевского. Чудесная страничка, как он и надеялся, была в книге. Виктор подскочил к окну, под которым увидел инкассаторскую «Волгу». Когда дорисовывал машину, к ней подошел Джон Маленький – открыл дверцу, сел на водительское сиденье, завел мотор, кажется, включил дворники, вышел и принялся заботливо протирать зеркала.

Движение на улице было не особенно оживленным, но, увидев вывернувшую из-за поворота машину скорой помощи с включенной мигалкой, Виктор очень быстро нарисовал, как она, выскочив на встречную полосу, приближается к «Волге» Джона Маленького.

В следующую секунду Виктор выбежал из квартиры. Визг тормозов и громкий удар он услышал уже в подъезде. На дороге две служебные машины, как говорится, встретились лоб в лоб, и теперь водитель «скорой» никак не мог открыть свою заклинившую дверь, а водитель инкассаторской «Волги» валялся на тротуаре навзничь, раскинув руки, так и не выпустив тряпку, которой протирал зеркала.

Моля Бога, чтобы Джона Маленького не прибило насмерть, Виктор упал перед ним на колени, в первую очередь сунул руку во внутренний карман его замшевой куртки и завладел чудесной страничкой. Только потом приложил ухо к груди водителя. Джон Маленький застонал...

Кого Виктор действительно уважал в инкассации, так это своего напарника Михалыча. Поводов спорить, а тем более ссориться, между ними никогда не возникало. Порой во время

маршрута зайдет в машине разговор про молодежь, мол, в какие времена подростковое поколение было более порядочным и менее бесбашенным, так тот же Михалыч первый становился на сторону современной молодежи, утверждая, что в его времена прогуляться вечерком в незнакомом районе было гораздо опасней, чем сейчас, в середине восьмидесятых.

Михалычу было слегка за сорок, Судаку, который иногда катал тушинский маршрут, – под пятьдесят. Вот с кем порой разгорались споры – до ругани, до криков, до брызгания слюной, хорошо хоть, до оскорблений не доходило.

Вторым прозвищем Судака было Патрубок. Прицепилось оно к нему не просто так. Издавна в инкассации существовали негласные правила, одним из которых была взаимовыгодная «дружба» водителей и дежурных. Все было очень просто, – по окончании вечернего маршрута дежурный отмечал водителю путевку – в какое время тот выехал из банка в гараж. При этом дежурный мог поставить время фактическое, но мог и набавить полчаса, а то и часок. В благодарность водители совали дежурному денежку и в это самое набавленное время неплохо подрабатывали извозом.

Между утренним и вечерним маршрутами дежурный отпускал водителей на обед, но одно дело – отпустить на законные сорок минут, другое – на два часа. Тут тоже все происходило по договоренности. Случалось, в машине что-то ломалось, тогда дежурный волей-неволей без всяких денежек отпускал водителей в гараж ремонтироваться – только бы на маршрут вовремя вернулись.

Судак до денег был жаден и при любой возможности старался от этой самой «дружбы» с дежурным увильнуть. Другими словами, нагло врал, что у него что-то там в машине сломалось, чтобы его отпустили ремонтироваться. Причем врал неизобретательно – чаще всего заявлял, что у него потек один из патрубков. Он даже держал в багажнике машины один такой дырявый патрубок и время от времени притаскивал его в банк в качестве доказательства и размахивал им перед лицом дежурного. Первое время этим уловкам верили, но потом раскусили, и впредь пришлось Судаку-Патрубку делиться с дежурными чаще.

Кроме всего прочего, Судак был злой. Не то чтобы злой конкретно в отношении кого-то, а злой по жизни. Однажды Виктор работал с ним старшим на утреннем маршруте, обслуживающем сберкассы. Сборщиком бегал Паша Балашов – прикольный парень, ровесник Виктора. И в один прекрасный момент Паша, как бы невзначай, обронил, мол, недавно прочитал в каком-то журнале, что и дедушка Ленин тоже по девочкам бегал... Реакция Судака на услышанное последовала незамедлительно: он резко ударил по тормозам, остановив машину, повернул к сборщику побелевшее лицо и, стуча кулаками по рулю, закричал:

– Вы мне только Ленина не троньте!!!

Ох, как же Виктор Кармазов и Паша Балашов тогда смеялись! До слез...

С Судаком Виктор работать не любил, но порой приходилось. Вот и теперь, после того как Джона Маленького увезли в больницу с сотрясением мозга и переломом бедра, тушинскому маршруту достался Судак, он же Патрубок.

Михалыч, будучи старшим маршрута, устроил на заднем сиденье помимо стопки порожних инкассаторских сумок довольно толстую, выдавшую виды кожаную сумку, чем-то довольно плотно набитую.

– Чего там у тебя? – поинтересовался хмурый Судак, усаживаясь за руль.

– Финский сервелат, – пояснил Михалыч и обратился к сидевшему впереди Виктору: – Я брал по три, отдавать будешь по пять. У меня двенадцать батонов. Навар поделим, как всегда, на троих, и он незаметно для водителя похлопал сборщика по плечу.

Виктор все понял – хитрости Михалычу было не занимать. Если бы за рулем сидел кто-то другой, хотя бы Джон Маленький, или Джон Большой, или даже незнакомый водитель, такого похлопывания не понадобилось бы – на троих поделили бы действительно весь навар. Судак же, как в свое время Михалыч объяснил Виктору, был «не тот человек». И теперь наверняка

старший притащил не двенадцать батонов, а больше, значит, навар от того, что побольше, поделится только на двоих.

Дефицитную колбасу у инкассаторов клиенты, сколько ни предложи, отрывали с руками, особенно на таких точках, как заправки и автопарки. Михалыч же, пока ехали к очередной точке, засовывал батоны в порожнюю сумку, предназначенную для этой точки, а сколько именно – один или три, водитель не знал. Зато узнавали сборщик и радостные кассиры, сдававшие ему денежную выручку. Первое время Виктора от таких «хитростей» немного коржило, но, узнав, что за фрукт этот Судак, он согласился, что так и надо, пусть спасибо скажет, что с ним вообще делятся.

На самом деле батонов оказалось ровно двадцать, но и они закончились быстро. Оставшееся время Виктор работал как-то на автомате: прибежал на точку, здоровался с кассиром, проверял целостность сумки и пломбы на ней, расписывался в накладных, убегал в машину. Мысли его крутились об одном – как использовать дальше чудесные страницы?

Он всегда был фантазером, мечтателем. Часто свои фантазии воплощал в рисунках. Не раз, воплощая на бумаге сновидения, рисовал себя самого, будто парит в воздухе или бежит по воде. Интересно, что будет, если один из подобных сюжетов отобразить на чудесной странице? Нет, пожалуй, не стоит так рисковать, или хотя бы не стоит до поры до времени.

Может, нарисовать деньги? Много денег. Допустим, они действительно появятся, но будут ли выглядеть как настоящие? Хотя, со слов Никиты, дома, строящиеся на просеке, действительно сгорели. А товарищ Козлов, а Джон Маленький! Конечно, все это можно было объяснить чудовищными совпадениями, зато Лилечка дважды воплощалась у него дома на диване живой и при втором своем появлении оказалась такой страстной! Вот ее-то и надо нарисовать, – интересно, как Лиля поведет себя в его квартире, «проснувшись» в третий раз?

После работы принять с Михалычем по дозочке Виктор отказался, не терпелось взяться за карандаш. Не терпелось до такой степени, что, выйдя из трамвая на своей остановке, он тут же сел на лавочку, достал чудесную страницу и стер ластиком изображение крыльца, с болтающейся на балке обрезанной веревкой. Очень хотелось проверить, не потеряла ли эта страничка своих свойств, и он быстро нарисовал трамвай, удаляющийся от него по улице Свободы. Грызая кончик карандаша, задумался, что бы нарисовать еще, и вдруг услышал сзади:

– Малюешь, художник?

Виктор не успел повернуть голову, как схлопотал удар кулаком по скуле и сразу же – под ребра. Хотел вскочить, но кто-то обхватил его за шею, навалился сверху, чужие руки зашарили по карманам. Все закончилось так же быстро, как началось. Напоследок Виктора еще раз ударили кулаком в лицо, и он опрокинулся с лавочки на землю.

Отлеживаться и охать-ахать не стал, утирая хлынувшую из носа кровь, поднялся на ноги, высматривая на земле чудесную страничку. Карандаш из руки он так и не выпустил, а вот страничка – неужели пропала? Нет, вот же она! Не медля, Виктор схватил страничку и огляделся. Два мужика спешили вслед удалявшемуся трамваю. Он присел на одно колено, разгладил страничку на гладкой поверхности лавочки и быстро набросал контуры этих двоих. Затем – человека, идущего им навстречу, а именно – своего друга Никиту.

Выросший в деревне, Никита с детства прослыл заядлым драчуном, а служба в десантных войсках только добавила навыков в этом деле. Сам он просто так никогда не задибался, но если, к примеру, видел, как два бугая пытаются отнять у младшекласника пятнадцать копеек, которые родители дали ребенку «на завтрак», бугаям приходилось очень худо...

В маленькой фигурке на страничке узнать Никиту было невозможно, но Виктор-то знал, кого рисует. Прежде чем поставить последнюю точку, он несколькими штрихами показал, как один из незнакомцев замахивается на Никиту жердиной, а у второго в руках блестит цепь.

Закрыв глаза, надеялся услышать неподалеку крики, но, если они и были, звуки вечерней Москвы их заглушали. Виктор посмотрел на страничку. И словно на маленьком экране увидел,

как бы черно-белый мультфильм, в котором дрались три человека. Вернее, это была уже не драка, а настоящее избиение одним человеком двух других. Эти двое даже не оборонялись, один пытался отползти, другой – как-нибудь откатиться от нападавшего, но тот подскакивал то к одному, то к другому и смачно добавлял ногами кому по ребрам, кому по рукам, прикрывшим тело, да и по головам тоже.

Виктор достал из кармана ластик и стер на картинке того, кто прыгал вокруг лежащих. Посмотрел на неожиданно опустевшую улицу Свободы: неподалеку, на тротуаре корчились двое; третьего словно след простыл. Шмыгая разбитым носом, подошел к ограбившим его незнакомцам – хрипевшим, кашлявшим и отплевывающимся. Вглядываться в окровавленные лица не стал – зачем? Одному, пытавшемуся подняться, с размаху врезал ногой в грудь и, когда тот опрокинулся навзничь, ударившись затылком об асфальт, не раздумывая, стал ощупывать его карманы. Своего отобранного бумажника не нашел, но деньги, помимо мелочи, забрал, опять же ничуть не усомнившись. Второго незнакомца постигла та же участь, но, так как бумажник оказался именно у него, Виктор напоследок от души поддал ему ногой по копчику.

Уже дома, раздевшись, смыв с лица кровь, приведя себя в порядок, он достал из гардероба последнюю заначку – четвертинку водки. Вспоминая Михалыча, с которым отказался сегодня пить, налил себе дозу и посмотрел на страничку, благодаря которой оказался не только отомщенным, но и вернул свой бумажник с деньгами, абонементом на макулатурные книги, да еще и с инкассаторским удостоверением, за потерю которого могли и уволить. На нарисованном участке улицы Свободы никого не было, правда, на освещенном асфальте виднелись какие-то темные пятна, словно кто-то недавно что-то пролил, да валялось несколько монет, которые никто не успел подобрать...

Виктора начали раздражать неожиданные утренние посещения. Какого черта?! Кому понадобилось припереться к нему домой ни свет ни заря? Оказалось, что в этот день, когда ему предстояло бегать сборщиком маршрута, ранним гостем вновь нарисовался Никита. Друг выглядел смущенным, даже слегка растерянным, но, когда Виктор, протирая спersoнок глаза, впустил его на порог, Никита сразу преобразился.

– Чего это у тебя с носярой? – прищурился он.

– Да так, – вяло отмахнулся Виктор, направляясь в ванную комнату. – Ты проходи на кухню, чайку поставь, а я пока морду лица сполосну. А то вчера поддал нефигово...

В ванне он застрял надолго: чистил зубы, мыл голову, брился... Надеялся, что в следующий раз друган сто раз подумает, прежде чем заявляться в такую рань. Но Никита ничем не проявлял нетерпения, а когда Виктор вышел на кухню умытый и побритый – на столе остывали две большие кружки чая – заваренного именно так, как он любил.

– У тебя какие планы-то на сегодня? – Виктор отхлебнул чайку и добавил в свою кружку кусочек сахара.

– Понимаешь... – Никита замялся, а Виктор обратил внимание, что костяшки на его правом кулаке сбиты. Гость перехватил его взгляд. – Ну у тебя и нос! Подрался?

– Да. Пришлось вчера в трамвае одного алкаша умирять, – соврал Виктор и аккуратно потрогал нос. – Главное – сегодня моя смена сборщиком ходить. Может, с Михалычем местами поменяться, чтобы не позориться...

– Я вчера тоже подрался, – сказал Никита. – И знаешь где?

Виктор пожал плечами и приложился к кружке. Мелькнула мысль сейчас же рассказать другу про чудесные страницы, но нет, разве что – в крайнем случае.

– Зато я знаю! – Никита стукнул кулаками по столу, и Виктор посмотрел на него непонимающе. – Неподалеку от твоего дома подрался. С двумя уродами. Отделал их, конечно, хорошенько...

– А чего ко мне не заглянул? И вообще – зачем приезжал-то?

– Да не приезжал я, не приезжал! – Никита вновь громыхнул по столу, его кружка опрокинулась, хорошо, что чай он уже весь выпил. – Не приезжал, дружище.

– На вертолете прилетел?

Никита насупился. Потом сказал:

– Понимаешь... Сiju вчера дома, смотрю футбол, как наши «Динамо» делают, Федя Черенков как раз гол забил. И тут – раз, словно что-то в голове щелкнуло, и я уже не у себя дома, а неподалеку от твоего, и на меня – два урода: один с колом, другой с цепью!

– Ну?!

– Что – ну! Ты же меня знаешь...

– Ну!

– Отметелил я их, и – раз – опять у себя дома. Как будто на минутку программу в телике переключил, а потом – обратно. Снова футбол смотрю. Только на кулаке ссадины.

– Ну!

– Все!

– Пил вчера?

– Ты меня знаешь.

– В таком случае все очень просто объяснимо, – убежденно сказал Виктор. – Говоришь, как раз Федор гол забил? Вот ты на радостях кулачищем своим куда-нибудь в стену двинул или в косяк дверной, и на какой-то миг у тебя мозги сдвинулись, а потом на место встали. И это – единственное разумное объяснение.

– Но...

– В противном случае тебе, дружище, надо не ко мне, а в больницу обращаться. С подозрением на диагноз либо «горячка белая», либо просто «сдвиг по фазе».

– У тебя выпить есть? – спросил Никита, потирая кулак.

– Что предпочитаете? – решил вдруг свалить дурака Виктор. – Коньяк, самогон, водочка, пиво, шампанское...

– Шампанское? – удивился Никита.

– А почему нет? Я же представитель редкой и опасной профессии, а для инкассаторов дефицит – не дефицит. Счас принесу.

Виктор прошел в комнату, достал из кармана джинсов слегка помятую страничку, на которой быстро нарисовал стол и на нем – бутылку. Моргнул, и вот она – бутылка – наливай и пей! В это время зазвонил телефон. Сначала он не узнал голос говорившего в трубку, потом догадался, что это Джон Маленький. По словам травмированного накануне водителя, чувствовал тот себя нормально, но о здоровье распространяться не хотел. Больше всего водителя интересовала страничка, исчезнувшая из его кармана. Сначала Виктор прикинулся простаком, якобы не понимает, о какой страничке идет речь. Потом делано удивился:

– Да на кой тебе сдалась эта страничка, Джон?

Тот не ответил, положил трубку. А Виктор вдруг подумал, что сидевший на кухне Никита наверняка слышал его слова. И Никита, и Джон не только видели его рисунки на чудесных страничках, но и что-то в связи с ними подозревали, не зря же и тот и другой по очереди заявлялись к нему домой, словно тут медом намазано, и расспрашивали, расспрашивали.

С недовольным выражением лица Виктор принес на кухню бутылку и, только открывая пробку, заметил, что это не шампанское, а шипучее вино «Салют». Впрочем, пробка открылась с тем же характерным звуком, с каким открывалось шампанское, а Никита, судя по всему, особой разницы между этими двумя напитками не видел – да и была ли она на самом деле...

Пока Виктор возился с пробкой, Никита успел сполоснуть в раковине кружки, еще теплые после чая. В них друзья и налили шипучее вино – до краев и даже сверху, и выпили, молча, хотя и чокнувшись. Виктор не почувствовал никакой разницы во вкусе вина, которое купил

два дня назад и пил с Лилечкой и которое пил из бутылки, только что им самим нарисованной и преобразовавшейся в настоящую. Показалось даже, что его вино покрепче.

Опять раздался телефонный звонок.

– Привет, Кармазов, это Лисавин, – сказал звонивший, и Виктор узнал заместителя начальника инкассации. – Здесь такое дело. Надо сегодня на суд приехать. Все собираются.

– Над кем опять суд?

– Не знаешь, что ли? Над Лаврушиным.

– А... Ладно, приеду. Куда и во сколько?

Положив трубку, Виктор вернулся на кухню совсем мрачный.

– Чего там? – поинтересовался Никита, успевший разлить по кружкам остатки вина.

– Да одного нашего инкассатора судить будут показательно.

– Ты рассказывал, что у вас уже был какой-то суд – ни за что ни про что дедка посадили...

– Нет, здесь другой чувак попал. А дедка того, кстати, реабилитировали и выпустили...

...История с дедком Василием Васильевичем случилась, когда Виктор только-только устроился в инкассацию. Причем случилась на том самом маршруте, на котором Виктору предстояло сегодня работать...

Надо сказать, что официальная инструкция, согласуясь с которой работали инкассаторы, в некоторых пунктах была, мягко говоря, странноватой. К примеру, один пункт гласил, что запрещено применять оружие, другими словами – стрелять в воздух или в грабителей, в присутствии беременных женщин. Шутки шутками, а по сути выходило так, что, если, допустим, на тебя напал грабитель, ударил кирпичом по голове, забрал сумку с деньгами и побежал, ты, прежде чем, спасая социалистическую собственность, собрался стрелять ему по ногам, должен был выяснить, нет ли поблизости женщин, в недалеком будущем собирающихся стать матерью.

А если тебя грабит женщина на первом месяце беременности? В теории получалось, что, если инкассатор вдруг выстрелил в грабителя, убегающего с десятками тысяч советских рублей, или даже выстрелил, защищая от нападавших свою жизнь, и в это время неподалеку была беременная женщина, он нарушил инструкцию со всеми вытекающими последствиями, вплоть до тюрьмы.

Дедок Василий Васильевич попал в тюрьму по другому поводу. Проинкассировав кинотеатр «Метеор», что на улице Свободы, и выйдя в фойе, он наткнулся на группу подростков, нагло преградивших ему путь. Дедок, правда, был не из хлюпиков, да к тому же ветеран войны. Сказал: пропустите, братцы, мол, деньги несу. «Братцы» не пропустили – наоборот, окружили инкассатора плотнее, стали теснить. Василий Васильевич, защищая и государственные ценности, и свою жизнь, выхватил из кобуры пистолет Макарова, но стрелять не стал (а вдруг среди молодежи окажется беременная женщина?!), зато врезал рукояткой в грызло первому попавшему под руку хулигану. Остальные тут же брызнули в стороны, и инкассатор беспрепятственно вышел из кинотеатра, сел в машину, доложил дежурному по рации о случившемся и поехал дальше катать маршрут. И все бы ничего, но хулиган, попавшийся под руку ветерану войны, оказался мальчишкой-мажором, и через несколько часов после происшествия вдруг выяснилось, что у этого самого мажора выбит глаз...

В итоге ветерана войны Василия Васильевича посадили в тюрьму. Через полгода того, кто его судил, выгнали за профнепригодность, Василия Васильевича реабилитировали, и он вернулся работать в родное отделение инкассации, но уже конкретно постаревший и на всю жизнь обидевшийся...

С Дмитрием Лаврушиным приключилось другое. Молодой парень только что вернулся из армии, устроился работать в инкассацию. И в день своего рождения во время маршрута, будучи сборщиком, пришел в магазин, в комнату кассира, где никого не застал, зато на столе лежала инкассаторская сумка – опломбированная, приготовленная к сдаче. Лаврушин – хват сумку себе за пазуху и, никем не замеченный – обратно в машину. Старшему маршрута ска-

зал, мол, пришел на точку, а там нет никого, на что старший распорядился заехать в магазин повторно часика через два, чтобы безалаберный кассир впредь знал, что отлучаться со своего места нельзя, а инкассатора надо ожидать как манну небесную.

За пазухой сумку долго не продержишь, и уже при подходе к следующему магазину Лаврушин бросил ее в кусты, надеясь забрать после работы. Что, собственно, и сделал, только при этом был задержан милицией. Безалаберный кассир хоть и накосячил, но, обнаружив пропажу сумки с немалыми деньгами, доложил куда надо, а милицейские работники проявили редкую расторопность, похитителя вычислили и взяли с поличным, в то время когда тот, дурак, после выпивона с коллегами за свой день рождения взял такси и поехал эту самую сумку, брошенную в кусты, забирать...

– Хочешь, поедem на суд вместе, – предложил Виктор, вкратце рассказав эту историю Никите. – Приобщишься, так сказать, к будням московских инкассаторов.

– Мне свои милицейские будни уже вот где, – показал тот себе на горло.

– Не. У нас прикольной. Я вот к тебе когда приезжал? В понедельник? Да. А перед этим, в воскресенье, моим напарником был некий товарищ Козлов. Так он после смены домой пришел и копыта отбросил. А только вчера приехал ко мне Джон Маленький. Помнишь – на рыбалку вместе ездили?

– Конечно, помню.

– Так он, когда от меня вышел, типа под машину попал. Живой, слава богу, но в больнице. – Виктор поймал себя на мысли, что напрасно все это рассказывает. – А сегодня – видишь – суд. А вечером будем с Михалычем водку пить за осужденного, так сказать, друга. Такие вот будни человека опасной профессии.

* * *

Дмитрий Лаврушин, конечно же, был виноват. Но парня было по-человечески жаль. Собравшиеся в зале суда инкассаторы ему сочувствовали, мол, дурень ты, Лаврушин, так по-глупому попал. Хотя и воровать было нефиг...

Однажды Виктор, работая утром на маршруте, обслуживающем сберкассы, привез в одну из них деньги, кассирша-бабулька их приняла, накладную по всем правилам оформила, пустую сумку ему вернула, и типа до свидания. Только вот сумка оказалась не совсем пустая – забыла бабулька вытащить одну пачку денег – сто купюр достоинством по двадцать пять рублей, другими словами – две с половины тысячи. Это равнялось примерно годовой зарплате Виктора.

Он нащупал пачку, когда возвращался в машину и свертывал сумку, но присвоить себе деньги даже в мыслях не возникло. Вернулся в сберкасу, отдал пачку бабульке, которую при этом чуть инфаркт не хватил, а Виктор потребовал денежки пересчитать – мало ли. В инкассации работали люди, хоть и в подавляющем большинстве алкоголики, но зато честные, только вот Дмитрий Лаврушин подкачал...

Защитник в суде у него оказался грамотный. Сделал упор на то, что не надо, мол, было человека провоцировать, мол, это кассир виноват, что сумку без присмотра оставил, а у парня – молодого, в жизни еще неустроенного, рука сама к сумке потянулась, машинально. В итоге дали Дмитрию Лаврушину два года. Нефиг деньги тырить, расхищать, так сказать, социалистическую собственность.

Как-то так получилось, что после суда над Лаврушиным на работу Виктор поехал вместе с заместителем начальника инкассации Вячеславом Лисавиным, на «Волге», за рулем которой был Джон Большой.

Начальство Виктор не то чтобы недолюбливал, просто хорошо понимал, что и начальнику инкассации, и его заму, да и тем же дежурным было проще и даже выгоднее работать с такими людьми, как, к примеру, Михалыч, либо Василий Васильевич, либо с покойным теперь

товарищем Козловым. В отличие от молодежи эти товарищи знали специфику работы, что называется, от и до. Знали даже не то чтобы специфику именно работы инкассатора, а специфику отношений с начальством.

Вячеслав Лисавин казался нормальным мужиком, да и был всего-то года на три старше Виктора. Он и в футбол играл – родное отделение инкассации против соседнего, из Бескудникова, и вообще при случае не чурался с коллегами по опасной профессии тяпнуть дозочку да потравить анекдоты. В начальство он выбился совсем недавно, и все благодаря окончанию заочного отделения финансового техникума. Про этот техникум разговор особый. Если же говорить о Лисавине, или о Пане Зюзе – так называли его за глаза, то должность заместителя начальника на пользу ему не пошла. Спиваться начал человек. И причин тому было множество, но и об этих причинах – чуть позже. Сначала – немного подробнее о Лисавине.

Это могло показаться смешным, если бы не было так грустно. За свою сравнительно недолгую работу в инкассации Виктору довелось дважды наблюдать, что творилось с Паном Зюзей по утрам. Того колотило так, что в цирк не ходи. Самостоятельно налить в стакан водки для опохмелки он был не в состоянии – до такой степени тряслись руки. Чтобы справиться с проблемой, Лисавин вызывал в кабинет персональных водителей, например Джона Большого, и просил его налить. После чего брал стакан двумя руками, долго от него отворачивался, морщился, фыркал, матерился, упрекая своего «спасителя» в том, что он его спаивает, но в итоге выпивал, занюхивал собственной ладонью и через пару минут вроде бы становился адекватным человеком.

Вообще-то во время устройства в инкассацию первым вопросом, задаваемым потенциальному работнику, было: «Часто ли вы пьете?» Вопрос, конечно, глупейший – кто ж признается! Непременными условиями для инкассатора были московская прописка и факт службы в армии. Когда Виктор устраивался работать, Лисавин при нем позвонил в военкомат, узнал телефон заставы, на которой он служил, дозвонился до нее и уточнил у начальника заставы, достоин ли пришедший к нему молодой человек работать инкассатором. Виктор на заставе хоть и слыл «пролетчиком», но все-таки не до такой степени, чтобы начальник подкинул ему подянку, поэтому своего бывшего подчиненного похвалил, за что сержант запаса вспоминал старшего лейтенанта добрым словом.

А вот о теперешнем своем начальстве он не хотел говорить ни плохого, ни хорошего. Михалыч рассказывал, что и начальник, и его зам при случае перешагнут через любого инкассатора, водителя, да и через друг друга тоже. И поверить в это было несложно – текучесть кадров в отделении банка была, можно сказать, стремительной.

Казалось бы, профессия редкая, серьезная, опасная, если уж пришел работать инкассатором, так надолго. Ан нет – бывало, устроился человек работать, только-только с коллегами перезнакомился, а уже через месяц либо сам ушел, либо уволили. Не все так просто было в «инкассаторском королевстве».

Михалыч как-то признался, что вот уже несколько лет держится на блатном тушинском маршруте вовсе не за какие-то там профессиональные качества, а лишь потому, что ежемесячно в день зарплаты отстегивает начальнику денежку, кроме того, еще и дефицит Лисавину достает. Дефицит – ладно, но как давать взятку начальству за то, чтобы работать, да еще и, по большому счету, рискуя своей жизнью, Виктор по молодости лет понять не мог. Да и не хотел.

Сам-то он от чаевых, даваемых на точках, не отказывался. Попробуй откажись – не поймут ни те, кто дает, ни твои напарники. Напарники не просто не поймут, а в грубой форме пошлют куда подальше. Но вот чтобы самому зайти в кабинет начальника и сунуть в лапу деньги – нет. Возможно, «нет» – только до поры до времени, Виктор об этом как-то не задумывался. Он хотел стать известным художником – со всеми вытекающими. И тут в руках у него появились чудесные страницы...

Михалыч на работу не вышел. Опять заболел. Вместо него Виктору дали в старшие Эмерсона. На самом деле имя его было Эриксон, а прозвище дали за фанатизм к тяжелому року и вообще к музыке. Интересный Эмерсон был человек: носил волосы до плеч и очки, как у Джона Леннона; дома имел огромную коллекцию «родных» дисков, цена за некоторые из них достигала половины зарплаты; музыкальную аппаратуру держал дорожную, самую современную и постоянно ее обновлял, благодаря неизменному приработку в виде спекуляции теми же дисками, а также записями музыки на магнитофонные ленты – очень доходный был бизнес.

Спекулянт Эмерсон, по всей видимости, родился. Не стеснясь, впаривал клиентам все – начиная от цветных эротических слайдов и заканчивая женским нижним бельем. Виктор одно время работал с ним на утреннем маршруте. Каждый день Эмерсон приходил на работу с толстой сумкой через плечо, которая стремительно «худела» после походов уже в первые сберкассы. Он знал, какой товар и почему предлагать женщинам, и пользовался у них огромной популярностью. Двумя словами – спекулянтский талант.

А еще он любил подинамить. Виктор, тоже поклонник рока, принципиально у него ничего не покупал. Но напарника, вместе с которым в течение каждого маршрута рисковал жизнью, периодически просил принести послушать какую-нибудь запись – на пару дней. Вернувшись из армии, Виктор купил очень неплохой по тем временам магнитофон «Маяк-203», а найти нормальную музыкальную запись было проблематично, к тому же репертуар многих зарубежных групп Виктор просто не знал, вот и обращался к напарнику. И тот ни разу не отказал ему в просьбе, но его отзывчивость была своеобразной.

Первые два-три дня после обещания принести катушку с записью какой-нибудь группы Эмерсон на вопрос «Принес?» хлопал себя по лбу и сокрушался, что, мол, забыл, но завтра – обязательно! В один из дней он говорил: «Да принес, но, понимаешь, сегодня отдать тебе не могу...» Был даже такой случай, когда он катушку с записью принес и отдал, но тут же, пока Виктор не успел убрать ее в свою сумку, забрал обратно, сославшись, что вспомнил нечто важное. Понятно было, что он пытается таким образом раскрутить напарника на деньги, но Виктор принципиально тупил, и в конце концов Эмерсон сдавался и на пару дней, но не на больше, отдавал-таки ему послушать катушку с нормальной музыкой. Случалось, что за это время Виктору удавалось понравившуюся группу переписать на новую ленту у знакомого меломана – бесплатно...

Приехав в банк после суда, Виктор неторопливо подобрал сумки, получил оружие и необходимые документы и пошел в красный уголок, где инкассаторы и водители, ожидавшие выезда на маршрут, играли в домино. С удивлением обнаружил, что Эмерсон уже там, более того – забивает козла в паре с Гаврилычем.

Гаврилыч в домино был общепризнанным авторитетом. Бывало, пока еще у всех игроков на руках оставалось по две-три фишки, уверенно заявлял: мол, ты ставишь такую-то, ты дуплишься, а я вот эту, у вас ни у кого нет, и я заканчиваю; бывало, к концу партии наверняка знал, сколько очков запишет соперникам – такой доминошный опыт был у человека!

В отличие от него Эмерсон играл, мягко говоря, плоховато. Но тут Виктор, к своему немалому удивлению, увидел, как сегодняшний его напарник поправил джон-ленноновские очки, аккуратно пристроил к другим фишкам свою – последнюю и доложил:

– Я – кончил.

– Дурбаладзе, надо говорить – закончил, – не без улыбки поправил его Гаврилыч и объявил соперникам: – Кстати, товарищи, – партия!

– А я – кончил, – заупрямился Эмерсон.

– Если играешь в домино, соблюдай соответствующий жаргонизм, – наставительно сказал Гаврилыч.

– Да какой в этой примитивнейшей игре особый жаргонизм! – возразил Эмерсон. – «Козел», «рыба», еще «Гаврилыч» которым шестерочный в вашу честь все называют.

Гаврилыч насупился и, пока места проигравших занимала новая пара, стал нервно перемешивать фишки. По количеству народу, собравшегося в красном уголке, Виктор прикинул, что до выезда на маршрут очередь сыграть партию до него вряд ли дойдет, поэтому покинул накуренную комнату.

Заглянул в сумочную к дяде Мише Хлепатурину – заядлому рыбаку, чтобы поболтать о любимом увлечении. Но того на месте не оказалось, и от нечего делать Виктор достал из кармана короткий, но остро заточенный карандаш и чудесную страничку. Чуть подумав, решил приколоться. Нарисовал играющего в домино Эмерсона, напротив него Гаврилыча и двух их соперников – Джона Большого и совсем молодого водителя по прозвищу Чечен. Последним штрихом в рисунке стало то, как Чечен с размаху бьет по столу дупелем, а Гаврилыч, видимо разъяренный бездарной игрой напарника, замахивается на него, собираясь бросить в лицо оставшиеся фишки.

До слуха Виктора донеслись крики – понятное дело, что из красного уголка. Прежде чем поспешить на место происшествия, он стер только что нарисованную картинку. Прибежал в красный уголок одновременно с Паном Зюзей, который, кстати, был уже заметно поддавшимся.

При появлении Лисавина шум мгновенно прекратился, хотя о произошедшем инциденте говорило многое: опрокинутые стулья, разбросанные по столу и полу фишки домино, треснувшая линза на очках Эмерсона, ссадина на щеке Чечена, красная рожа Гаврилыча и скорчившийся в углу и держащийся за голову инкассатор Торопыгин. К нему-то и обратился Пан Зюзя:

– Тороп, тебе через сколько выезжать?

– Скоро уже, – отозвался тот.

– Зайди в канцелярию! – последовала команда, и зам, хмыкнув, покинул красный уголок.

Тороп поспешил исполнить указание, а оставшиеся принялись наводить в комнате порядок.

– Что, Витек, аптеки сегодня берем?

– О! Евгений. – Виктор пожал руку водителю, хлопнувшему его по плечу, – шуплому сорокалетнему мужичку с коротко стриженными пшеничными усами. – А ты что, с нами едешь?

– Ну да, уже вооружился.

– Тогда грузимся. Эмерсон, – окликнул Виктор протирающего очки напарника, – бери сумки, пора выезжать.

– Видал, Тороп в канцелярию пошел? – спросил водитель. – Понятно, зачем его Пан Зюзя вызвал?

– Понятно, – согласился Виктор.

– А мы сами-то «торопыгами» затаримся? – озабоченно поинтересовался Евгений.

– Попробуем...

Вскоре тушинский маршрут отъехал от здания банка и взял направление к первой точке, до которой было минут двадцать езды. Всякий раз, встречая Евгения Овчинникова, Виктор вспоминал одну вечернюю смену, которую можно было бы назвать ужасной. Вспомнил и сейчас, и связана та смена была именно с «торопыгами».

Так назывались продаваемые в аптеках пузырьки с целебной настойкой боярышника. Все дело в том, что настойка была крепостью порядка семидесяти градусов, а стоил один пузырек сущие копейки... Просто так настойку боярышника было не купить – только по рецепту врача. Но для инкассаторов делалось исключение, и в некоторых «правильных» аптеках во время маршрута можно было прикупить с десятков пузырьков – дешево и сердито, никакой водки не надо.

Больше всех среди инкассаторов обожал боярышник Володька Торопыгин, при виде этих пузырьков у него аж щеки начинали трястись. В честь него их так и прозвали – «торопыги» и даже в шутку вывели единицу опьянения – 1 тороп. Ни у Виктора, ни у других инкассато-

ров не было сомнений, что Пан Зюзя позвал Володьку Торопыгина в канцелярию, чтобы дать задание прикупить «торопыг» и для него...

У Виктора же самое яркое воспоминание, связанное с «торопыгами», ассоциировалось с сидевшим сейчас за рулем водителем. Та история произошла, когда он только-только начал работать в инкассации на вечернем маршруте, обслуживающем точки в районе стадиона «Динамо», Ленинградского проспекта и Беговой улицы. Маршрут был хороший, хотя бы потому, что инкассировал тот же Литфонд, театральные кассы, несколько отличных продуктовых магазинов...

Так же как и Михалыч, отработавший несколько лет на маршруте тушинском, на маршруте динамовском закрепился Тимофеич. В плане подхода к работе и опытности и тот и другой были «близнецы-братья», разве что Тимофеич проработал в инкассации года на три дольше. Возможно, поэтому ему вообще все было по барабану. Как еще объяснить действия старшего инкассатора, когда тот в самом начале маршрута достал из сумки бутылку водки, накатил себе дозу и выпил, закусив всего лишь помидором? Но именно так все и случилось в ту памятную и ужасную для Виктора смену. Ужасную потому, что, дожевывая помидор, Тимофеич предложил выпить и Виктору, а когда сборщик отказался, старший маршрута обратился с тем же предложением к водителю, и Евгений Овчинников ничтоже сумняшеся выпил водку и поручил дальше. Но это были еще цветочки...

При подъезде к очередной аптеке Тимофеич попросил сборщика прикупить «торопыг» – сколько дадут. Отоварили, как всегда, десяточком, и пять из них старший маршрута добавил к остаткам водки. Получилось более половины бутылки «адской смеси», которую Тимофеич и решил усугубить во время инкассирования комплекса стадиона «Динамо», благо место было малолюдное, тихое. Выпил сам и по инерции предложил выпить водителю. А Евгений взял да и вновь согласился. И выпил, причем не обычную дозочку, а стакан «с краями» – чтобы на дне бутылки ни капли не осталось.

Наблюдая за этим процессом, Виктор едва дар речи не потерял – динамовскому маршруту оставалось обслужить еще полтора десятка точек, а водитель уже два стакана на грудь принял! Очень скоро стало понятно, что беспокоился сборщик не напрасно. Выкрутасы Евгения начались на одном из перекрестков, где, вместо того чтобы спокойно подождать зеленого сигнала светофора, он помахал рукой гаишнику и поехал на красный – хорошо, машин ни слева, ни справа не было, гаишник же просто отвернулся, видимо обалдев от подобной наглости.

Следующее приключение поджидало Виктора и его экипаж на Ленинградском проспекте, напротив метро «Динамо», у авиакасс, что находились рядом с салоном для новобранцев «Аист». Проинкассировав авиакассы, Виктор вернулся в машину, водитель завел двигатель, тронулся с места и тут же врезался в стоявший впереди жигуленок – вместо того чтобы сдать назад, поехал вперед. Хозяин жигуленка только что его покинул, но в здание войти не успел и теперь растерянно следил за дальнейшими действиями инкассаторов.

– Мужики, все будет в порядке, – заявил с заднего сиденья опытный Тимофеич. – Ты, Овец, давай, разъезжайся, а ты, Витек, держи, отдай этому чайнику. – И он передал сборщику двадцатипятирублевую купюру.

С первой попытки разъехаться у Евгения не получилось, видимо, в одночасье разучился обращаться с коробкой передач, из-за чего инкассаторская «Волга» стала двигать жигуль вперед.

– Заднюю скорость включи, – убедительно попросил Виктор и показал «чайнику» четвертак, на что тот отчаянно замахал руками, мол, ничего не надо, только оставьте мою машину в покое.

А Евгений, благодушно улыбаясь и понимающе кивая, потерял ручку коробки передач и вновь начал таранить машину частного собственника.

– Заднюю! – в один голос заорали Виктор, Тимофеич и «чайник».

После чего Евгений словно бы очнулся и наконец-то отъехал назад. Затем лихо крутанул руль и, чудом не задев многострадальный жигуль, помчался дальше по вечерним московским улицам.

Виктор благодарил Бога, что движение на той же улице Правды или Скаковой улице, на которых им предстояло инкассировать последние точки, было слабым. И все равно ему нет-нет да приходилось буквально вырывать у водителя руль, чтобы вернуться на свою полосу, а не ехать по встречной. Один раз едва-едва ушли от лобового столкновения с грузовиком, к счастью, тот тоже отвернул. При этом Евгений лишь посмеивался, а Тимофеич время от времени повторял:

– Витек, все нормально, Овец, не торопись...

Критический момент наступил во время инкассации касс Белорусского вокзала. Вернувшись в машину, Виктор увидел, что вокруг все заблевано. Овчинников был мокрый от пота, держался за сердце и тяжело дышал. Им осталось про-инкассировать всего три точки, но беда была в том, что одна из них – сберкасса – находилась на улице Готвальда. А это означало переезд через мост на площадь Белорусского вокзала, пересечение улицы Горького и так далее. Ехать туда сейчас было смертоубийством. Если бы Виктор умел водить, он давно бы сам сел за руль, но в обращении с автомобилем он мог только помочь поменять колесо.

Вызывать из дежурки резервную машину – значит подвести под увольнение весь экипаж. Дождаться, пока Евгений вернется в состояние крутить баранку, тоже нельзя, – касириша из сберкасс на Готвальда обязательно сообщит дежурному, что инкассаторы не приехали вовремя, тот свяжется с маршрутом по радию, поинтересуется, в чем дело...

– Тимофеич, – принял решение Виктор, – подай-ка мой пакет и сумку от Готвальда давай.

– Зачем? – не понял тот, однако машинально выполнил просьбу сборщика.

– Пешком в сберкасса пойдю.

– Совсем, что ли, с ума сошел?! – Тимофеич попытался забрать обратно пустую инкассаторскую сумку, но Виктор не отдал.

– Пойми, Тимофеич. Ехать нам через мост нельзя – либо врежемся в кого-нибудь, либо гаишник арестует. Ждать, пока этот мудака протрезвеет, тоже нельзя – цигель-цигель. Звонить в дежурку – сам понимаешь.

– А если ограбят? – Язык у Тимофеича слегка заплетался.

– Да с какого перепугу меня ограбят! – Виктор убрал в непрозрачный пакет сумку. – Кому до меня какое дело? Не бойся, Тимофеич, я же на границе служил. Все! Ждите, я быстро. – И, не слушая дальнейших возражений, Виктор отправился пешком инкассировать сберкасса.

Все обошлось. Дошел до улицы Готвальда, вынул из пакета свернутую порожнюю сумку, как ни в чем не бывало вошел в сберкасса, взял сумку с деньгами, убрал ее в пакет и – обратно. На все про все ушло минут двадцать пять. За это время Евгений более-менее пришел в себя, сидел за рулем серьезный, сосредоточенный. Тимофеич тоже заметно протрезвел, видимо, переживал за напарника.

– Ну, ты, Витек, даешь! – только и сказал он, когда сборщик передал ему сумку сберкасс с улицы Готвальда, в которой было порядка сорока тысяч рублей.

Уже без всяких приключений они взяли две последние точки, вернулись в банк и сдали ценности без осложнений. Самый кошмарный вечер в жизни Виктора закончился. Но когда чувствующий свою вину Евгений подошел к нему и предложил подбросить до дома, Виктор едва удержался, чтобы не съездить тому по морде.

Сегодня, в пятницу, ему предстояло катать маршрут с этим самым Евгением, да еще и с Эмерсоном.

Пятницу на тушинском маршруте Виктор любил больше всех остальных рабочих дней: и в плане повышенных чаевых, и в плане выпить вечером. Не с Михалычем, так с другим напарником, сегодня – с Эмерсоном, глядишь, за разговором лишний раз появится возмож-

ность выпросить у меломана послушать что-нибудь новенькое. Хотя сегодня он лучше бы вообще не пил, лучше бы, вернувшись домой, поэкспериментировал с чудесной страничкой. С ее помощью, как все больше убеждался Виктор, конечно же, при грамотном подходе можно доставить себе, что называется, «все двадцать четыре удовольствия».

В любом случае ни от чаевых, ни от бутылки и вручаемых кассирами продуктов на закуску он не отказывался. А приближаясь к кабинету своего соседа по дому, старшего кассира продовольственного магазина Александра Ивановича, уже приготовил традиционную фразу: «Сегодня пятница!»

Дверь в кабинет была приоткрыта, а за дверью никого не оказалось. Зато на столе лежала пока что порожняя инкассаторская сумка и рядом с ней аккуратными стопками – пачки денег, судя по всему, приличная сумма. Вот он – провокационный расклад, почти такой же, как и с Дмитрием Лаврушиным, которому сегодня присудили два года.

Но у Виктора даже рука не дрогнула, он просто остановился на пороге и крикнул в коридор:

– Эй, народ, инкассатор пришел!

Не успел закончить фразу, как в коридоре возник Александр Иванович – как всегда, смущенный, растерянный.

– Здорово, Витек, – протолкнул он его в кабинет. – Слушай, у нас тут кассирша новенькая выручку не успевает подсчитать. Да вот же она. – Александр Иванович кивнул на подошедшую девушку с короткими черными волосами.

Та улыбку, виновато хлопая длинными ресницами.

– Да ты проходи, Верочка, проходи. Садись за стол и считай спокойно, а Витек, то есть Виктор, подождет немного. – Александр Иванович умоляюще посмотрел инкассатору в глаза. – Сосед, прошу, давай без второго заезда обойдемся. Сегодня же пятница. Так будет тебе «двойная пятница».

– Верочка, вы за сколько управитесь? – Виктор тоже улыбнулся девушке.

– Не знаю, – ответила она и слегка зарделась. – Минут за десять...

– Да быстрее, гораздо быстрее, – заверил старший кассир. – Тем более я ей считать помогу. А ты подожди пока в кабинете директора, там телевизор включен.

– Хорошо. – Виктор подмигнул Верочке и прошел в соседний кабинет.

По телевизору шла программа «Время». Он убрал звук, сел в директорское кресло и, немного подумав, выложил на стол чудесную страничку. Пришла мысль нарисовать обложку сгоревшего блокнота и показать ее Александру Ивановичу – вдруг тот вспомнит, что видел у себя дома еще один такой же блокнот.

Знаменитого перовского рыболова нарисовал быстро, потом добавил детали – заброшенные в воду удочку и донку с колокольчиком, лежавшую на берегу сумку, из которой торчит горлышко бутылки. Кажется, поучилось довольно похоже.

– Зачем же вы, милсдарь, меня спалили-то? – раздался голос.

Виктор поднял голову на телевизор, – звук сам собой, что ли, прибавился? Нет, на экране дикторша беззвучно открывала рот.

– В самый разгар рыбалки спалили. Как раз когда огромный карп клюнул!

Обернувшись, Виктор увидел пожилого мужичка: с вислыми седыми усами, с пенсне на носу, в черных сапогах, плаще, шляпе, цветастом платке на шее, с удочкой в одной руке и с бутылкой в другой. Перед ним стоял тот самый перовский рыболов, только живой.

– Нехорошо, милсдарь, – шмыгнул носом рыболов и обрушил бутылку на голову инкассатора...

– Что с тобой, Витек? Что случилось?

– Ой, мамочки, у него кровь!

Открыв глаза, Виктор увидел склонившихся над собой Александра Ивановича и Верочку. Они помогли ему сесть, потом встать. Под ногой хрустнуло стекло – осколки бутылки. Виктор бросил взгляд на стол – чудесная страничка пропала. Машинально хлопнул по висевшей на боку кобуре – запасная обойма на месте, пистолета нет!

– Деньги целы? – спросил он Александра Ивановича.

– Да. – Старший кассир показал толстую инкассаторскую сумку. – Только пломбу повесить осталось. А что с тобой случи...

– Ждите! Приеду чуть позже, – прервал Виктор. – Только не звоните никому! – Вырвавшись из удерживающих рук, он выскочил из кабинета...

Инкассаторская машина стояла напротив входа в магазин, водитель и старший маршрута сидели на своих местах. Виктор распахнул свою дверь:

– У вас все в порядке?

– Все в порядке, – удивился Евгений. – А с тобой что?

– Нападение. – Сборщик плюхнулся на сиденье и обернулся к Эмерсону. – Кто-то об мою башку бутылку разбил. Наверное, ограбить хотели. Но с деньгами все в порядке. А мне срочная помощь нужна.

– Звоню дежурному? – схватился за микрофон Евгений. – Или сначала в больницу?

– Нет! – остановил его Виктор. – Домой ко мне гони, здесь рядом, ты знаешь.

– Зачем домой-то? – удивился водитель, тем не менее заводя мотор.

– Кажется, у меня в темечке осколок бутылки застрял. Надо срочно осмотреть и вытащить. Эмерсон, справишься?

– Попробую, – невозмутимо отозвался тот. – Не зря же медицинское училище заканчивал.

– Гони, Евгений, гони!

Они домчались до дома Виктора за три минуты. По дороге Евгений пытался расспросить сборщика, что да как, но тот лишь морщился. У него слегка кружилась голова, и, когда вместе с Эмерсоном поднимались пешком на третий этаж, Виктора пошатывало, напарнику даже пришлось придерживать его под руку. Но сейчас это было не важно, главное – как можно скорее добраться до второй чудесной странички.

– Эмерсон, давай на кухню, – велел он, как только открыл дверь своей квартиры. – Там в шкафчике лекарства – разберешься, какие надо, а я сейчас.

Напарник невозмутимо пошел исполнять просьбу, а Виктор, торопясь, достал из книжной полки «Что делать?» и заперся с книгой в ванной комнате. Санузел у него был совмещенный, и сейчас это оказалось как никогда более кстати. Присев на унитаз, Виктор открыл книгу, где она была заложена чудесной страничкой, и для начала отобразил на ней свою же ванну. После чего нарисовал в ванне скорчившегося перовского рыболова, поставив последнюю точку после своего автографа, на мгновение прикрыл глаза и уже в следующее мгновение услышал хриплое:

– Милсдарь...

Продолжения фразы Виктор ждать не стал. Для начала со всего маха врезал увесистым томиком Чернышевского по лицу лежащего в ванне человека. Успев заметить, что пенсне рыболова переломилось надвое, врезал еще раз и вновь повторил удар...

– Витек, что там у тебя? – крикнул с кухни Эмерсон.

– Все в порядке! – отозвался он, вытаскивая из кармана персонажа Василия Перова свой пистолет.

– Милс...

– На! – Виктор пнул рыболова стволом под ребра, тот громко охнул и захныкал, словно ребенок.

– Витек? – Эмерсон настойчиво постучал в дверь.

- Страничка где? – Виктор поднес пистолет Макарова к носу хныкающего.
- Вот же она, милсдарь, посмотрите!

Виктор перевел взгляд и, к своему ужасу, увидел, как рыболов быстро разорвал чудесную страничку напополам. Половинки сложил и разорвал их тоже. Взревев, инкассатор ударил его по рукам рукояткой пистолета и схватил обрывки.

В дверь ванной комнаты Эмерсон уже не просто стучал, а со всей силы колотил ногами.

Виктор поспешно вытащил ластик и стер с целой странички нарисованную ванну и того, кто в ней находился. Затем убрал пистолет в кобуру, засунул страничку в книгу, поднял со дна ванны покореженное пенсне и открыл дверь.

– Витек, чего тут происходит-то? – спросил Эмерсон.

– Да вот – разбил семейную реликвию. – Он сунул пенсне под нос напарнику. – Какой-то день сегодня неудачный – тебе очки разбили, а я – вот... Ладно, давай травму посмотреть.

– А с кем ты разговаривал-то?

– Не догоняешь, что ли? Сам с собой разговаривал. Прадеда вспомнил – пенсне-то его... Так ты будешь меня лечить?

– Да буду, буду.

Порез оказался неглубоким, никакого осколка бутылки в ране не нашлось. Эмерсон рану промыл, обработал перекисью водорода, затем – йодом, посоветовал Виктору выпить две таблетки анальгина, что тот и сделал. В машину к поджидавшему Евгению Овчинникову инкассаторы вернулись минут через десять. И еще через пять Виктор, хоть и не такой быстрой походкой, как обычно, вошел в кабинет старшего кассира, где и застал Александра Ивановича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.